Фрэнсис Элиза Бёрнетт

История маленького лорда

Фрэнсис Элиза Бёрнетт
История маленького лорда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17694180

Аннотация

«История маленького лорда» – детский роман выдающейся англо-американской писательницы Фрэнсис Элизы Бёрнетт (англ. Frances Eliza Burnett, 1849-1924). ***

Юный сорванец Седрик ошеломлен неожиданной новостью: ему сообщают, что он единственный наследник знатного рода Фаунтлероев…

Другими известными произведениями Ф. Э. Бёрнетт являются «Таинственный сад», «Маленькая принцесса», «Романтические истории», «Исчезнувший принц», «Серебряные коньки», «Страна Синего цветка», «Приключения Сары Кру», «Чистое сердце» и «Хорошенькая дикарка».

Фрэнсис Элиза Бёрнетт – признанный классик детской литературы. Ее волшебные истории, наполненные приключениями, интригующими сюжетными поворотами и доброй, справедливой моралью широко известны в Америке и за ее пределами.

Содержание

1. Неожиданное известие 4
2. Друзья седрика 14
3. Отъезд 40
4. В Англии 46
5. В замке 57
6. Граф и его внук 75
7. В церкви 95
8. Урок верховой езды 103
9. Поездка на фермы 113
10. Внезапная тревога 119
11. Гоббс и Дик 135
12. Требования соперников 145
13. Дик является на помощь 153
14. Огласка 159
15. День рождения 164

Фрэнсис Элиза Бернет
История маленького лорда

1. Неожиданное известие

Седрику было четыре года, когда отец его умер, – он только помнил, что папа был высокий, голубоглазый, с длинными усами и что было здорово взбираться к нему на плечи и так, верхом, кататься по комнате. Когда отец занемог, мальчика увезли из дому, а когда он вернулся, то уже все было кончено. Мама тоже тяжело заболела и только начала вставать с постели. Бледная, исхудалая, она сидела в кресле у окна, ямочки со щек ее исчезли, глаза казались большими и печальными; одета она была в глубокий траур.

– Дорогая, – сказал Седрик (его отец всегда так называл ее, и мальчик ему подражал), – дорогая, папе лучше?

Руки матери, обнимавшие его, задрожали. Седрик заглянул ей в лицо, и ему захотелось плакать.

– Дорогая, он здоров?

Вдруг маленькое любящее сердце подсказало мальчику обвить ручонками шею матери и покрыть лицо ее поцелуями. Она прижала сына к себе и горько заплакала.

– Да, – ответила она, рыдая, – он теперь здоров, ему хорошо, но мы… мы с тобой одни на свете. Совсем одни!

И как ни был Седрик мал, он смутно понял, что его красивый молодой отец больше никогда не вернется к ним, что он умер. Но он не мог постичь всего смысла смерти. Мама плакала каждый раз, когда Седрик заговаривал об отце, и мальчик решил, что лучше не поминать о нем так часто и не оставлять мать сидеть подолгу, задумавшись, у огня, а развлекать ее чем-нибудь.

У них было мало знакомых, они жили уединенно, но Седрик не чувствовал этого одиночества, и только когда вырос, то узнал, отчего у них редко бывали гости.

Круглая сирота, его мать была совсем одна на свете, когда его отец женился на ней. Она жила компаньонкой у старой сварливой леди, у которой капитан Эррол бывал. Однажды он увидел, как молодая девушка вся в слезах бежала по лестнице, и его сильно тронуло ее печальное положение. Они познакомились и полюбили друг друга. Капитан Эррол решил жениться на прелестной кроткой девушке. Эта свадьба вызвала негодование его семьи, а в особенности отца – богатого знатного старика с очень крутым характером. Он жил в Англии и ненавидел Америку и американцев. У него было еще два сына, старше капитана Седрика. По закону Англии, старший сын получал титул отца и громадное состояние после его смерти. Если бы он умер бездетным, то наследство перешло бы ко второму сыну, так что капитан Седрик, как младший, имел мало шансов стать богатым.

Но природа одарила младшего сына всеми качествами,

которых недоставало старшим братьям: он был высок, силен, красив, храбр и умен. Его светлая улыбка и доброе сердце располагали к нему всех. Старшие братья, напротив, не были ни красивы, ни добры, ни умны. Когда они учились в Итоне[1] никто из товарищей их не любил; когда поступили в университет, они мало думали об учебе, а только попусту тратили и время и деньги. Старый граф, их отец, был разочарован: наследник не делал чести его имени, и мало было надежды, что из него выйдет порядочный, благородный человек. Горько было старому графу сознавать, что только третий сын обладал и красотой, и душевными качествами, необходимыми для столь высокого положения, и что именно ему-то судьба и назначила самую скромную долю, Порой старик почти ненавидел младшего сына за то, что он, а не наследник с его несметных богатств так щедро одарен природой, но помимо воли в глубине души он любил его, В припадке раздражительности он отправил его путешествовать по Америке, чтобы хоть на время удалить от себя и не видеть его превосходства над братьями, которые именно тогда очень огорчали отца своим диким поведением.

Но через полгода старик вдруг до того соскучился по младшему сыну, что написал ему письмо, в котором приказал немедленно возвратиться в Европу. Не успело оно дойти до Америки, как старый граф получил от капитана Седрика

[1] Итон – город в Англии, известный своим первоклассным училищем для мальчиков, готовящихся в университет.

известие, что он намерен жениться на американке. Старик пришел в неописуемую ярость: он так взбесился, прочитав письмо сына, что камердинер боялся, как бы у хозяина не случился апоплексический удар. Граф целый час метался по комнате, как тигр. Потом сел за письменный стол и написал сыну, что он навсегда запрещает ему возвращаться домой и писать к нему или к братьям, что он может делать, что ему угодно, и умереть, где хочет; что для семьи он больше не существует и чтобы он никогда более не ожидал от нее какой бы то ни было помощи.

Грустно было капитану прочесть это письмо. Он любил Англию и был нежно привязан к дому, где родился, любил и старика отца, несмотря на его суровость, жалел его, когда старшие братья огорчали и обманывали надежды отца, но он знал также, что теперь ему уже нечего надеяться на помилование. Сначала он не знал, что предпринять; он был воспитан не для трудовой жизни, но решимости и силы у него было достаточно. Итак, он продал свое место в армии[2] нашел себе занятия в Нью-Йорке и женился. Переход его от прежней жизни в Англии к теперешней был резкий, но он был молод, счастлив и надеялся на будущее. Он купил себе скромный домик на тихой улице; там, в простой, но изящной обстановке, родился его мальчик, и он ни минуты не жалел, что женился на хорошенькой компаньонке старой леди; же-

[2] В Англии офицерский чин покупался, и желающий выйти в отставку мог его продать.

на его была женщина кроткая, милая, и они всем сердцем любили друг друга.

Несмотря на то что маленький Седрик родился в таком скромном домике, он казался самым счастливым ребенком в мире. Он был всегда здоров и не доставлял никому огорчений, был красив, как картинка: с густыми вьющимися волосами, большими карими глазами и длинными ресницами; девяти месяцев он уж стал ходить сам на своих крепких ножках. Когда его возили в колясочке по улице, прохожие останавливались, чтобы полюбоваться им. Все, кто жил на этой улице, знали его и любили, даже бакалейщик, которого считали самым несносным существом в мире, радовался при его появлении и всегда разговаривал с ним. Когда мальчик смог уже сам ходить по улице с няней, везя за собой игрушечный фургончик, он был так хорош в своем белом костюмчике и большой белой шляпе на белокурых вьющихся волосах, что привлекал общее внимание. Няня гордилась им и, возвращаясь с прогулки, рассказывала его матери, что богатые дамы выходили из кареты, чтобы поговорить и полюбоваться им, и что они удивлялись его обаянию и непосредственности: он разговаривал с ними так, как будто всю жизнь их знал. Седрик был очень доверчив и имел доброе сердце, которое рано стало понимать чувства других. Может быть, это природный дар, а может, и следствие того, что рядом с ним были любящие родители и он никогда не слыхал грубого, сурового слова. Он видел, как отец нежно обращался с женою, и он точно

так же вел себя с нею, стараясь во всем подражать отцу.

Когда Седрик понял, что отец не возвратится к ним больше, и видел, как мать его печальна, он старался развлекать ее, как мог; садился к ней на колени, обнимал, клал свою кудрявую головку к ней на плечо или приносил свои игрушки и картинки и тихо играл у ног матери. Ничего другого он не мог придумать, но и это уже было большое утешение для молодой вдовы.

– Мэри, – говорила она своей старой служанке, – знаю, что он хочет меня утешить: он смотрит на меня таки любящими, удивленными глазами, как будто ему меня жаль. Он ласкается ко мне, старается занять… Я уверена, что он меня понимает.

Подрастая, Седрик все больше и больше придумывал средств развлекать свою мать, и она в другом обществе не нуждалась! Пяти лет он начал учиться читать, и когда выучился, то по вечерам читал вслух свои детские книги, а иногда даже и газеты, и Мэри из кухни слышала, как миссис Эррол смеялась его замечаниям. Мэри очень любила мальчика и гордилась им; она была единственная прислуга в доме, исполняла должность няни, кухарки, горничной и охотно сидела поздно по вечерам, помогая миссис Эррол шить костюмчики для сына.

– Смотрите, – говорила она своим знакомым, – как он хорош в своем черном бархатном костюме, выкроенном из старого платья матери, точно маленький лорд!

Седрик и не знал, что такое лорд. Его лучшим другом был мистер Гоббс, торговец бакалейными товарами, его лавка была недалеко от дома, где жили миссис Эррол с сыном, на углу улицы. Седрик очень его любил, уважал и считал, что он очень богатый и знаменитый человек – так много у него было всякого добра: апельсинов, чернослива, инжира и всякого печенья, и к тому же у него была своя лошадь и фургон. Седрик любил и молочницу, и булочника, и старуху, торговавшую яблоками, но предпочитал всем мистера Гоббса. К нему он ходил каждый день и подолгу с ним беседовал.

Удивительно, право, о чем это мистер Гоббс находил говорить с мальчиком! Он ему рассказывал о революции в Америке, о войне за ее независимость, о героях этой войны, о подлости неприятеля и патриотизме американцев. Седрик, слушая, так волновался, что глаза его горели, щеки пылали, в возбуждении он ерошил волосы, так что его красивые кудри становились похожими на копну. От мистера Гоббса впервые Седрик услышал о политике; бакалейщик-читал ему газеты и рассказывал, что происходит в Вашингтоне, исполняет президент свои обязанности или нет. Седрику шел восьмой год, когда мистер Гоббс взял его с собой, чтобы показать факельное шествие по случаю выборов. Позднее многие участники этой процессии вспоминали, что видели толстого мужчину у фонарного столба, а на плечах у него кудрявого мальчика, который приветствовал шествие, махая шляпой.

Вскоре после этих выборов произошла удивительная пе-

ремена в жизни Седрика. Странно, что она случилась именно в тот день, когда мистер Гоббс много говорил ему про Англию, про ее правительство и строго осуждал английскую аристократию и особенно резко отзывался о графах и маркизах. Было очень жаркое утро; Седрик, поиграв в солдатика с товарищами, вошел в лавку отдохнуть, Мистер Гоббс был в большом раздражении, глядя на рисунок в газете, изображавший придворную церемонию в Англии.

– Вот чем они забавляются! – сказал он с досадой. – Но недолго им важничать, американцы когда-нибудь да возьмут верх над всеми этими графами и маркизами!

– А много вы в своей жизни знали маркизов и графов? – спросил Седрик, который вскарабкался, как всегда, на высокий табурет, сдвинул шляпу на затылок и засунул руки в карманы.

– Нет, – отвечал возмущенно мистер Гоббс, – но хотел бы я поймать одного из них! Посмотрел бы я, как он посмеет сесть около моих бочонков с сухарями!

– А может, они отказались бы быть графами, если бы знали что-нибудь получше, – заметил Седрик, чувствуя некоторую жалость к этому несчастному сословию.

– Ну как же!.. – отвечал Гоббс. – Их прямо-таки распирает от гордости за свои титулы! Все они такие!

В разгар этой беседы в лавку вошла Мэри. Седрик думал, что она пришла купить сахару, но нет, она была бледна и взволнованна.

– Пойдемте домой, мой милый, – сказала она, – мама зовет.

Седрик спрыгнул с табурета.

– Она хочет пойти погулять со мной, Мэри? – спросил он. – До свидания, мистер Гоббс, я приду опять.

Он удивился, что Мэри в немом изумлении глядела на него и все качала головой.

– Что такое случилось, Мэри? – спросил он. – Вам очень жарко?

– Нет, но у нас случилась странная вещь…

– Не заболела ли у моей дорогой голова от жары? – спросил Седрик заботливо.

– Нет, не то…

Когда они дошли до дому, у крыльца стояла коляска и кто-то в маленькой гостиной разговаривал с мамой. Мэри увлекла мальчика наверх, чтобы переодеть в лучший костюм, повязала ему широкий красный пояс и расчесала локоны.

– Господи! Вот оказия-то! – бормотала она. – И это все аристократы и лорды! Ох! Тем хуже – проку в них нет!

Все это очень озадачило Седрика, но он был уверен, что мама все ему растолкует, и не стал больше расспрашивать Мэри.

Когда он был готов, то сбежал вниз и вошел в гостиную. Высокий худой старик с острым лицом сидел в кресле. Мать Седрика, бледная, со слезами на глазах, стояла рядом.

– О, Седди! – воскликнула она и побежала навстречу

мальчику, обняла его и, взволнованная, испуганная, стала целовать.

Старик встал и поглядел на Седрика своими пронзительными глазами, потер острый подбородок костлявой рукой. Казалось, он остался доволен.

– Так это, – сказал он медленно, – маленький лорд Фаунтлерой?

2. Друзья седрика

Следующая неделя была полна для мальчика самых неожиданных, странных, удивительных впечатлений. Седрик был поражен всем, что слышал. Мама несколько раз повторяла ему свой рассказ, пока он наконец все понял. Что-то скажет обо всем этом мистер Гоббс? Речь все шла о графах: дедушка Седрика, которого он никогда не видел, был графом; старший дядя мальчика, если бы не убился до смерти, упав с лошади, был бы со временем тоже графом; после его смерти второй дядя сделался бы графом, но он внезапно умер от лихорадки в Риме. После них отец Седрика, если бы был жив, унаследовал бы графский титул, но так как все они умерли и остался один Седрик, то именно он стал наследником всего дедушкиного состояния и после смерти старика должен будет получить титул графа, – а пока он только лорд Фаунтлерой.

Седрик побледнел, когда впервые узнал об этом.

– О, дорогая! – воскликнул он. – Я не хочу быть графом. Никто из моих товарищей не граф. Не могу ли я отказаться?

Но это оказалось невозможным. Вечером в этот знаменательный день, сидя у окна и глядя на маленькую тесную улицу, они долго разговаривали с матерью. Седрик сидел на скамеечке для ног в своей любимой позе, обхватив руками одно колено, лицо его пылало от напряженной работы мысли.

Дедушка прислал за ним, и мама говорила, что он должен ехать в Англию.

– Я знаю, – сказала она, печально глядя в окно, – что твой отец пожелал бы, чтобы ты ехал, Седди. Он очень любил свою родину. Многого ты пока не можешь понять. Я должна тебя отпустить, иначе я поступить не могу. Когда вырастешь, ты это поймешь.

Седрик грустно покачал головой.

– Мне жаль расставаться с мистером Гоббсом, – сказал он. – Боюсь, он будет скучать без меня, а я без него. Мне всех жаль…

Когда мистер Хэвишем, поверенный графа Доринкорта, дедушки Седрика, присланный им за мальчиком, пришел на другой день, ребенок многое узнал от него. Но мысль о том, что со временем он сделается богатым, будет иметь много замков, парки, обширные земли, шахты и фермы – вовсе его не утешала. Он озабоченно думал о своем друге мистере Гоббсе и сразу после завтрака отправился к нему в лавку. Гоббса он застал за чтением газет и подошел к нему в большом беспокойстве, чувствуя, что все, что с ним случилось, будет тяжелым ударом для его друга; дорогой он обдумал, как объявить об этом.

– А! – воскликнул мистер Гоббс, увидав Седрика. – Доброе утро!

– Здравствуйте, – ответил Седрик и не полез, по обыкновению, на высокий табурет, а сел на ящик с сухарями, обхва-

тив колено, и несколько минут молча глядел на Гоббса, так что тот наконец тревожно посмотрел на него поверх газеты.

Седрик собрался с духом.

– Мистер Гоббс, – начал он. – Помните, про что вы мне вчера утром говорили?

– Кажется, про Англию, – отвечал мистер Гоббс.

– Да, но что именно вы говорили, когда Мэри вошла?

Гоббс почесал в затылке.

– Мы, кажется, говорили о королеве Виктории и об аристократии.

– Да, – нерешительно произнес Седрик, – и про графов, помните?

– Как же, – согласился Гоббс, – мы немного задели их, не так ли?

Седрик сильно покраснел. Никогда в жизни он не был в таком затруднительном положении. К тому же он боялся смутить мистера Гоббса.

– Вы говорили, что ни за что не позволили бы ни одному из аристократов сидеть на вашем бочонке с сухарями.

– Точно! – гордо отвечал Гоббс. – Пусть-ка попробуют – я им!

– Мистер Гоббс, на вашем ящике сидит лорд…

Гоббс подпрыгнул на стуле.

– Что? – воскликнул он.

– Да, – скромно объяснил Седрик, – я лорд и со временем буду графом, не хочу скрывать это от вас.

Гоббс испугался; он поспешно встал и пошел искать термометр.

– Наверно, вам напекло голову, – сказал он, возвращаясь и пристально глядя на Седрика. – Нынче ужасно жарко. Как вы себя чувствуете? Не болит голова?

Он положил свою большую руку на лоб мальчика.

– Благодарю вас, – ответил Седрик., – я совершенно здоров. Г олова моя в порядке. Мне очень жаль, что все, что я вам сказал, – сущая правда, мистер Гоббс. Вот для чего Мэри пришла за мной. Мистер Хэвишем говорил с мамой – он поверенный дедушки.

Гоббс опустился в кресло и вытер лоб платком.

– Один из нас с ума сошел! – воскликнул он.

– Нет, – возразил Седрик, – нет, нам надо будет с этим смириться – мистер Хэвишем специально приехал из Англии. Дедушка прислал его за мной…

Гоббс смотрел в изумлении на серьезное личико.

– Кто ваш дедушка?

Седрик вынул из кармана бумагу, исписанную неверной рукой.

– Я так не мог запомнить и записал вот здесь. – И прочел громко: – «Джон Артур Молино Эррол граф Доринкорт». Так зовут дедушку. Он живет в замке; у него два или три замка, кажется. Мой папа, который умер, был его младшим сыном. Если бы папа был жив, я бы не был ни лордом, ни графом. И папа не мог бы быть графом, если бы два его стар-

ших брата не умерли. Но они оба умерли, и, кроме меня, нет другого мальчика в семье. Вот дедушка за мной и прислал.

Гоббсу становилось все жарче, он стирал пот со лба и тяжело дышал. Он начинал понимать, что случилось что-то необыкновенное, но, видя, что в мальчике нет никакой перемены, что он сидит на ящике с сухарями с тем же невинным взглядом, как и вчера, – все его представления об английской аристократии перепутались в голове. Еще больше он был смущен тем, что Седрик с невинной простотой рассказывал ему о перемене, происшедшей в его судьбе, не понимая, насколько она важна.

– Как вы сказали? Повторите, как теперь ваше имя? – спросил Гоббс.

– Седрик Эррол, лорд Фаунтлерой. Так назвал меня мистер Хэвишем. Когда я вошел в комнату, он сказал: «Так это маленький лорд Фаунтлерой!»

– Так, – сказал мистер Гоббс. – Черт меня подери!

Он всегда так выражался, когда был ошеломлен или взволнован чем-нибудь. Седрик находил, что это вполне подходящее выражение. Он так уважал мистера Гоббса, что восхищался всем, что он ни говорил. Конечно, свою маму он ставил выше лавочника, но ведь леди должна вести себя иначе, чем мужчина.

Он внимательно посмотрел на Гоббса.

– А далеко отсюда до Англии? – спросил он.

– Надо переплыть Атлантический океан, – отвечал Гоббс.

– Это плохо, – заметил Седрик, – вероятно, я тогда вас долго не увижу, мистер Гоббс. Подумать страшно.

– Лучшие друзья не должны расставаться, – грустно проговорил Гоббс.

– А мы ведь давно с вами дружим, правда? – сказал Седрик.

– С самого вашего рождения. Вам было недель шесть, когда вас в первый раз вынесли на эту улицу.

– Никогда не думал, – вздохнул Седрик, – что буду когда-нибудь графом!..

– Вы считаете, – спросил Гоббс, – что этого нельзя избежать?

– Боюсь, что нет. Мама говорит, папа желал бы, чтобы я так поступил. Одно я могу сделать: если уж необходимо, чтобы я был графом, постараюсь быть хорошим графом. Я не сделаюсь жестоким, и, если опять затеется война с Америкой, я буду против.

Разговор друзей длился очень долго. После первого потрясения Гоббс, против ожидания, смягчился; он старался примириться с обстоятельствами, и, прежде чем беседа закончилась, он задал Седрику множество вопросов, на которые сам же и отвечал, так как мальчик не сумел этого сделать. Говоря о маркизах и графах и их поместьях, лавочник объяснил маленькому лорду много такого, что удивило бы самого мистера Хэвишема.

Мистеру Хэвишему пришлось многому удивляться. Он

всю жизнь провел в Англии, вовсе не знал ни Америки, ни американских обычаев. Он сорок лет занимался делами семейства графа Доринкорта, знал их обширные поместья, несметное богатство и все значение их и потому холодно, по-деловому интересовался ребенком, который со временем должен был стать владельцем всех этих богатств и носить титул графа Доринкорта. Ему было известно о горьком разочаровании, испытанном графом со старшими сыновьями, о страшном гневе его из-за женитьбы младшего сына на американке; он знал, что до сих пор старик ненавидит молодую вдову и говорит о ней сурово и жестоко, уверяя, что она только из расчета вышла за капитана Седрика, проведав, что его отец граф. Старый поверенный думал, что это правда, – он знал много алчных, расчетливых людей и не был хорошего мнения об американцах. Когда он проехал по узкой, неприглядной улице и остановился у дверей скромного домика, он был неприятно поражен. Ему казалась ужасной мысль, что наследник трех великолепных замк эдидся и вырос в этом убогом домишке, на мещанской улице, где на углу находилась лавка со съестным товаром.

Какими же окажутся мальчик и его мать, гадал мистер Хэвишем. Он боялся знакомства с ними. Поверенный гордился семейством, делами которого он так долго управлял, и ему больно было бы, если бы женщина оказалась необразованной, падкой на деньги, без всякого понятия о чести.

Когда Мэри ввела его в маленькую гостиную, он осмотрел

ее критическим взглядом; все было просто, но уютно, не было ни дешевых безвкусных украшений, ни дешевых ярких картин на стенах, скромное убранство было изящно.

«Недурно, – подумал мистер Хэвишем, – но, вероятно, все это заведено капитаном».

Но когда миссис Эррол вошла в гостиную, ему стоило усилия, чтобы не выказать своего изумления: в простом черном платье, облегающем стройную фигуру, она больше походила на молоденькую девушку, чем на мать семилетнего мальчика. Она была очень красива, но печаль не покидала ее нежного лица со смерти мужа. Опытный поверенный умел быстро различать и понимать людей, – он тотчас подумал, что напрасно старый граф был такого плохого мнения о своей невестке. Хэвишем не был женат и даже никогда не влюблялся, но тотчас сообразил, что эта молодая женщина с мягким голосом и грустными глазами вышла за капитана только потому, что любила его, и она никогда не думала о выгоде быть в родстве с графом. Он понял, что с ней нетрудно будет договориться, и стал надеяться, что маленький лорд Фаунтлерой авось не осрамит своей благородной семьи.

Он объяснил миссис Эррол цель своего приезда; та внезапно побледнела.

– Неужели его отнимут у меня? – воскликнула она. – Мы так любим друг друш? < hi один у меня во всем мире! Я старалась быть хорошей матерью… – Ее голос дрожал, слезы лились из глаз. – Вы не знаете, что он для меня!

Хэвишем откашлялся.

– Я должен предупредить вас, – проговорил он, – что граф Доринкорт не очень… не очень дружественно расположен к вам. Он стар и имеет сильные предрассудки: он всегда недолюбливал Америку и американцев и очень гневался на сына за его женитьбу. Мне очень жаль, что приходится сообщать вам неприятную весть, но я обязан объявить его решение – никогда не видеть вас. Он желает воспитать лорда Фаунтлероя под своим собственным наблюдением. Граф очень любит свой замок и большую часть времени живет в нем. Он страдает подагрой и не любит Лондона. Лорду Фаунтлерою придется жить в Доринкорте, а вам граф предлагает поселиться в другом своем имении, Корт-Лоде, в очень красивой местности и недалеко от замка. Он назначает вам приличное содержание. Лорду Фаунтлерою он позволит навещать вас и только требует одного – чтобы вы сами никогда не бывали в Доринкорте, никогда не входили бы даже в парк. Вы видите, что вас не разлучают с сыном, и я могу вас уверить, что условия графа не так суровы, как могли бы быть. Лорд Фаунтлерой получит блестящее воспитание и будет жить в богатой обстановке.

Хэвишем боялся, что молодая мать начнет плакать и возражать, – он терпеть не мог женских слез. Но она только встала и, подойдя к окну, постояла несколько минут, отвернувшись. Он видел, что она старается превозмочь свое горе.

– Покойный муж мой, – сказала она наконец, – очень лю-

бил замок Доринкорт; он любил Англию и все английское. Ему было очень тяжело расстаться с отечеством; он гордился им и своим именем. Я знаю, что он хотел бы, чтобы его сын увидел родные места и был воспитан сообразно своему будущему положению, – Она подошла к мистеру Хэвишему и прибавила: – Мой муж желал бы этого, и я поступлю так, как будет лучше для моего сына, Я знаю, я уверена, что граф не будет жесток и не восстановит сына против меня. Но если бы даже он и поступил так, то мальчик слишком похож на своего отца, чтобы поддаться дурному влиянию. У него горячее, любящее сердце, честная душа; если нас разлучат, он не перестанет меня любить, и, если мне позволят хоть изредка видеть сына, я не сочту себя вполне несчастной…

«О себе она почти не упоминает, – подумал поверенный, – и не ставит мне никаких условий».

– Миссис Эррол, – сказал он, – я уважаю ваше чувство к сыну. Он со временем будет вам благодарен. Уверяю вас, что лорд Фаунтлерой будет прекрасно воспитан и что для его счастья граф сделает все, что можно. Граф Доринкорт хочет сам о нем заботиться…

– Надеюсь, – отвечала молодая мать упавшим голосом, – что дед полюбит Седди: у мальчика прекрасное сердце и его всегда все любили…

Мистер Хэвишем опять прокашлялся: он не мог себе представить, чтобы старый, вспыльчивый подагрик мог кого бы то ни было полюбить, но он знал, что в его же интересах

следовало бы быть ласковым со своим наследником. Очень может статься, что если Седди окажется достойным своего рода, то дед, пожалуй, будет даже гордиться им.

– Поверьте, что лорду Фаунтлерою будет очень хорошо. Для его же счастья граф желает, чтобы вы жили поблизости и могли бы иногда видеться с вашим сыном.

Он не решился повторить точных выражений графа – они были далеко не любезны, и Хэвишем изложил их более мягко и учтиво.

Его передернуло, когда миссис Эррол велела Мэри позвать Седрика и Мэри отвечала:

– Его легко найти: он сидит в лавке Гоббса на своем высоком табурете и толкует с ним о политике среди свечей и мыла.

– Мистер Гоббс знает моего сына с рождения, – сказала миссис Эррол поверенноу, – он очень любит Седди, и они очень дружны…

В душе мистера Хэвишема опять поднялись сомнения. В Англии дети джентльменов не дружат с лавочниками, это показалось ему странным. Досадно будет, если мальчик растет в дурной среде и окажется невоспитанным. Старый граф и без того пережил много горя и унижения от пристрастия старших сыновей к низкому обществу. Неужели мальчик унаследовал наклонности своих дядей и не родился в деда?

Эти мысли сильно тревожили старика поверенного, когда вдруг дверь отворилась и вошел Седрик. Хэвишем не сразу

решился взглянуть на мальчика, но, когда он поднял глаза, странный переворот совершился в нем: его сразу очаровал этот прелестный ребенок. Он был строен, ловок, с выразительным лицом; голову держал высоко; волосы у него были золотистого цвета, как у отца, глаза карие, как у матери, но только не грустные, а живые, смелые глаза, которые никого и ничего не боялись.

«Я никогда не видел такого красавца и с такой благородной наружностью», – подумал мистер Хэвишем, а вслух сказал:

– Так это маленький лорд Фаунтлерой!

И чем больше он всматривался в маленького лорда, тем больше удивлялся. Он много видел детей красивых, краснощеких, хорошо воспитанных, но все они были или очень застенчивы, или слишком шумливы. Заинтересованный судьбой Седрика, старик особенно внимательно следил за ним.

Седрик, не замечая ничего, вел себя, как всегда. Он подошел к мистеру Хэвишему, подал ему руку и с готовностью отвечал на все его вопросы. Когда Хэвишем говорил с его матерью, он скромно молчал и со вниманием следил, точно взрослый, за разговором.

– Кажется, он у вас очень рассудительный мальчик, – заметил мистер Хэвишем.

– Да, по временам, – отвечала та с улыбкой. – Он хорошо учится, да притом он много бывает со взрослыми. Но у него есть забавная привычка часто употреблять длинные слова и

выражения, которые он вычитал в книгах или услышал от старших. Впрочем, Седди очень любит играть и со сверстниками. Думаю, что он умен, но вместе с тем – совершенный ребенок.

Когда мистер Хэвишем увидел Седрика на другой день, то понял, что мать была права. Как только карета его завернула за угол, он увидел ватагу оживленно играющих мальчишек. Двое должны были бежать наперегонки: один из них был маленький лорд, который кричал ж шумел не меньше других.

– Раз! Два! Три! – крикнул он, приготовившись.

Мистер Хэвишем велел кучеру ехать тише и смотрел в окно с большим любопытством. Он видел, как при последнем слове «Три!» оба мальчика пустились бежать. Ноги Седрика в красных чулках так и замелькали: кулачки его были сжаты, волосы развевались.

– Ура! Сед Эррол! – кричали мальчишки, приплясывая и визжа от возбуждения. – Ура! Билли Вильямс! Ура!

«Наверно, он выиграет, – подумал мистер Хэвишем, глядя, как ножки в красных чулках быстро бежали вперед и с каким усилием Билли Вильямс старался догнать их, – Я, право, хочу, чтобы он выиграл!»

Громкие, неистовые ребячьи возгласы возвестили, что будущий граф последним сильным рывком достиг фонарного столба и тронул его двумя секундами раньше Билли Вильямса, который добежал до цели, сильно запыхавшись.

– Да здравствует Седди Эррол! – кричали дети. – Ура!

Седди!

Мистер Хэвишем не вытерпел, высунулся из кареты и крикнул:

– Браво, лорд Фаунтлерой!

Когда карета остановилась у крыльца скромного домика, победитель, побежденный и остальные мальчишки гурьбой подходили к ней. Седрик шел рядом с Билли Вильямсом и говорил ему в утешение:

– Я выиграл потому, что у меня ноги длиннее, только поэтому. Й к тому же я тремя днями старше тебя, это много значит.

В это утро у Седрика был продолжительный разговор с мистером Хэвишемом, который, слушая его, часто улыбался, потирая подбородок костлявой рукой.

Миссис Эррол вышла зачем-то из комнаты и оставила поверенного и мальчика вдвоем. Сначала поверенный не знал, что сказать. Он полагал, что следует подготовить Седрика к свиданию с дедом и объяснить ему большую перемену в его судьбе. Очевидно, что ребенок не имел ни малейшего понятия о том, что его ожидает в Англии, он даже не знал, что мать не будет с ним жить – ему ничего еще об этом не говорили.

Мистер Хэвишем сидел в покойном кресле по одну сторону открытого окна, Седрик по другую в таком же большом кресле, и глядели друг на друга, Седрик прислонился к мягкой спинке, скрестил ноги, руки заложил в карманы – совер-

шенно так, как это делал мистер Гоббс, Мальчик молча внимательно смотрел на Хэвишема, а тот все думал, что бы ему такое сказать; но Седрик скоро вывел его из затруднения и заговорил первый:

– Знаете, – сказал он, – я вовсе не понимаю, что это такое за слово – граф?

– Неужели? – сказал мистер Хэвишем.

– Да, и я думаю, что так как я буду графом, то мне следовало бы знать, по крайней мере, что это такое…

– Конечно!

– Не будете ли вы так добры объяснить мне это слово? – почтительно попросил Седрик. – Кто назначает графов?

– Король или королева, – ответил мистер Хэвишем. – Обыкновенно этот титул дается человеку за какую-нибудь великую заслугу.

– О! – воскликнул Седрик, – это как у нас выбор президента.

– На самом деле? – спросил мистер Хэвишем. – Разве за заслуги выбирают президента в Америке?

– Как же, – живо ответил Седрик, – когда человек очень добр и очень учен, его выбирают в президенты. Устраивают факельное шествие, говорят речи. Я считал, что могу когда-нибудь стать президентом, но никогда не думал, что буду графом. Я ничего про это не знал, а то, может быть, я и захотел бы быть графом, – прибавил он, желая чем-нибудь угодить мистеру Хэвишему.

– Граф и президент совершенно разные вещи, – заметил поверенный.

– Какая же разница? Разве для графов не устраивают факельные шествия?

Мистер Хэвишем скрестил ноги, соединил кончики пальцев на руках. Он решил, что пора бы объяснить мальчику его настоящее положение.

– Граф – очень важное лицо, – начал он.

– И президент тоже, – вставил Седди, – процессия с факелами тянется миль на пять, музыка играет, пускают ракеты. Мистер Гоббс водил меня посмотреть.

– Граф, – снова неуверенно начал Хэвишем, – должен быть потомком древнего рода.

– Это что такое? – спросил Седрик.

– Древний род значит – старинная фамилия, очень ста ринная.

– А-а! Вероятно, как та торговка, что продает яблоки в парке. Я думаю, она очень древнего рода. Она такая старая, что удивляешься, как она на ногах держится. Ей лет сто, все-таки она всегда в парке, даже когда дождик идет. Мне ее очень жаль; мальчики тоже ее жалеют. Однажды у Билл! Вильямса был доллар, и я уговорил его всякий день покупать яблоки у старухи, но ему это скоро надоело. К счастью, один джентльмен дал мне пятьдесят центов, и я на них купил у нее яблок. Так жаль бедную старушку, такую бедную и такого древнего рода!

Мистер Хэвишем положительно растерялся, глядя на серьезное личико мальчика.

– Вы меня не совсем верно поняли, – сказал он. – Когда я сказал «древний род», я не имел в виду глубокую старость. Древний род означает семейство, давно известное, возможно даже, несколько сот лет известное в истории всей страны.

– Как Джордж Вашингтон[3], например, – заметил Седрик, – Я про него слышал с тех пор, как родился, и раньше его уже знали. Мистер Гоббс говорит, что его никогда не забудут, Это, знаете, из-за Декларации независимости Америки и Четвертого июля[4]. Видите, какой он был храбрый человек!

– Первый граф Доринкорт, – произнес торжественно мистер Хэвишем, – получил свой титул четыреста лет тому назад.

– Как давно! – воскликнул Седди. – Вы сказали об этом моей дорогой? Это ее очень заинтересует, она любит рассказы о необычных вещах. Что же еще скажете вы о графах?

– Многие из них помогали королям править Англией, некоторые были очень храбрыми воинами и участвовали в сражениях в былые дни.

– Я бы тоже хотел быть военным, – сказал Седрик. – Мой

[3] Джордж Вашингтон (1732–1799) – первый президент США. Во время войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. был главнокомандующим американской армией.

[4] Четвертое июля – национальный праздник Соединенных Штатов Америки. В этот день была принята Декларация независимости США.

папа был военным, он был очень храбрый, как Джордж Вашингтон. Наверное, потому, что он стал бы графом, если б не умер? Я рад, что графы храбрые люди – большое преимущество быть храбрым. Я прежде очень боялся темной комнаты, но когда думал о храбрости солдат во время революции за независимость Америки и Джордже Вашингтоне, то совсем вылечивался от трусости.

– Графы имеют другое преимущество, – тихо сказал мистер Хэвишем и пристально посмотрел на мальчика, – некоторые из них очень богаты.

Поверенный хотел знать, имеет ли его юный друг понятие о силе денег.

– Приятно иметь много денег, – наивно сказал Седрик, – я хотел бы быть богатым.

– Неужели? Но для чего?

– Да для того, что с деньгами можно сделать много добра. Во-первых, возьмем хоть старую торговку: если б я был богат, я бы купил ей палатку, чтобы ставить туда лоток с яблоками, маленькую печку и давал бы ей по доллару каждое утро, когда идет дождь, чтобы она могла остаться дома. Я бы купил еще большой теплый платок, чтобы согреть ее старые кости! Ее кости не такие, как у нас, они болят при каждом движении, и это очень неприятно, Если бы я мог все это купить, я уверен, что кости у нее перестали бы болеть.

– Хм! – промычал мистер Хэвишем. – А что еще сделали бы вы, если б были богаты?

– О, много чего! Конечно, я купил бы для моей дорогой много отличных вещей: рабочий ящик, веер, золотой наперсток, кольца, энциклопедию и карету, чтобы она не ждала на улице омнибуса. Если бы она любила розовый цвет, я бы купил ей розовое шелковое платье, но она любит только черное. Я бы ее повел в большие магазины и дал выбрать все, что бы она там захотела. А потом Дик…

– Кто такой Дик?

– Дик чистит сапоги на улице, – отвечал маленький лорд, с волнением рассказывая: о своих планах. – Он лучше всех умеет чистить сапоги. Он стоит на углу улицы, там, внизу. Я его давным-давно знаю. Раз мама купила мне огромный мячик, я его подбросил, и он упал посреди улицы между каретами: я был в отчаянии, начал плакать – я тогда был еще очень маленький, А Дик чистил чьи-то сапоги, как крикнет: «Эй!» – и бросился: под ноги лошадям, достал мой мячик, вытер его своим фартуком и принес мне. Дорогая была очень довольна, и я тоже. С тех пор, когда мы ходим гулять в ту сторону, мы всегда подходим к Дику, разговариваем с ним, и он рассказывает про свое ремесло: дела плохо идут с некоторых пор.

– Что же вы хотели бы для него сделать? – спросил поверенный, улыбаясь.

– Что? – отвечал лорд Фаунтлерой, принимая озабоченный вид, – Я бы выкупил его долю у Джека.

– А кто такой Джек?

– Его компаньон. Он очень плохой. Дик говорит, что хуже не может быть: он обманывает и приводит Дика в отчаяние. И вы пришли бы в отчаяние, если бы вы честно чистили сапоги, а ваш компаньон был бы обманщик. Все любят Дика, а Джека терпеть не могут. Если бы я был богатый, я бы дал Дику денег, чтобы он мог откупиться от Джека, достал бы ему свидетельство – он говорит, что это хорошая вещь, – и купил бы ему новую одежду и новые щетки, и устроил бы его хорошенько. Он сказал, что все, что он хочет, – это открыть свое собственное дело.

С трогательным простодушием рассказывал маленький лорд про своего приятеля Дика, не сомневаясь, что старый поверенный искренне занят его рассказами. И точно, мистер Хэвишем начинал сильно интересоваться, только не старой торговкой и не Диком, а кудрявым мальчиком, который забывал о себе и был занят только своими друзьями.

– Чего бы вы, – спросил поверенный, – желали для себя?

– Очень много! – живо отвечал Седрик. – Во-первых, я дал бы денег Мэри для ее сестры Бриджит, у которой двенадцать человек детей и безработный муж. Она приходит к нам и плачет, дорогая дает ей каждый раз корзинку с провизией, и она опять плачет и говорит: «Да благословит вас Бог, красавица вы моя!» Я думаю, что мистер Гоббс был бы рад получить золотые часы с цепочкой и пенковую трубку на память от меня. И наконец, мне хотелось бы устроить собрание.

– Какое собрание?

– Это вроде республиканского митинга, – объяснил Седрик, возбуждаясь. – С факелами и мундирами для всех мальчиков и для меня. Мы маршировали и кричали бы – вот чего я для себя хотел бы!

Дверь отворилась, вошла миссис Эррол.

– Извините, – сказала она поверенному, – что я оставила вас, но ко мне пришла одна бедная женщина, она в большом горе.

– Пока вас не было, – отвечал мистер Хэвишем, – этот юный джентльмен рассказывал мне про своих друзей и про то, что он сделал бы для них, если бы был богат.

– Бриджит тоже в числе его друзей, – заметила миссис Эррол, – и я только что с нею говорила в кухне. Она в горе – ее муж лежит больной.

Седрик соскользнул со стула.

– Я сбегаю к ней и спрошу, как он себя чувствует. Это такой отличный человек! И я очень обязан ему: он раз сделал мне деревянную саблю!

Седрик выбежал из комнаты, и Хэвишем встал. Ему хотелось что-то сказать, но он, по-видимому, не решался.

– Перед отъездом из замка Доринкорт, – заговорил он наконец, – я имел свидание с графом, и он дал мне следующие приказания: граф желает, чтобы его внук с радостью думал о предстоящей ему жизни в Англии и о знакомстве с ним. Поэтому он велел мне сказать его светлости, что перемена в

его судьбе принесет ему много денег. Мне поручено исполнить все желания ребенка и сказать ему, что это подарок от деда. Не думаю, что граф имел в виду что-нибудь подобное, но, если лорду Фаунтлерою доставит это удовольствие, пусть он поможет бедной женщине. Граф был бы недоволен, если бы я не исполнил первой просьбы его внука.

Поверенный снова по-своему передал слова графа. Вот что тот в действительности говорил Хэвишему: «Объясните мальчугану, что я могу дать ему все, что он ни захочет. Растолкуйте ему, что значит быть внуком графа Доринкорта. Купите все, что он ни попросит, наполните золотом его карманы и скажите, что это подарок от деда».

Намерения графа были далеко не хорошие, и, если бы не благородное сердце маленького лорда, гордый дед своим неумеренным баловством сделал бы ему много вреда. Но мать Седрика иначе смотрела на вещи. Она вообразила, что несчастный одинокий старик хочет доставить удовольствие внуку и завоевать его любовь и доверие. Она была очень рада, что Седрик получит возможность помочь бедной Бриджит и что судьба дала ее сыну шанс делать добро тем, кто в нем нуждается. Она покраснела от радости и воскликнула:

– О, как добр граф Доринкорт! Седрик будет счастлив! Он всегда любил Бриджит и ее мужа, и они стоят его привязанности. Майкл добросовестный работник, когда здоров, но он долго болел, лекарства стоят дорого, теплое платье и хорошая пища тоже. Я очень жалела, что не могу им помочь,

и то, что они теперь получат, конечно не потратят попусту…

Мистер Хэвишем достал из кармана толстый бумажник. Его лицо имело странное выражениее: он думал о том, что скажет тщеславный бессердечный граф Доринкорт, когда узнает о первом желании своего внука.

– Вам, может быть, неизвестно, – сказал он, – до какой степени граф Доринкорт богат. Он может удовлетворить каждую свою прихоть. Ему, очевидно, будет приятно, если я исполню все желания лорда Фаунтлероя. Если вы позволите, я дам ему пять фунтов для этих людей.

– Это же двадцать пять долларов! – воскликнула миссис Эррол. – Неужели это возможно!.. Да это целое состояния для таких бедных людей!

– Да, – отвечал, сухо улыбаясь, поверенный, – большая перемена произошла в судьбе вашего сына, большая сила будет в его руках.

– Ах! – воскликнула молодая мать. – А он еще такой маленький! Как я его научу владеть этой силой? Мне страшно за моего Седди!

Поверенный откашлялся. Его старое черствое сердце дрогнуло от взгляда этих нежных, застенчивых глаз.

– Судя по моему разговору с лордом Фаунтлероем, я уверен, что будущий граф Доринкорт сумеет вести себя достойно и не забудет других. Он еще дитя, но на него можно уже надеяться.

Миссис Эррол пошла за Седриком и привела его в гости-

ную. Поверенный слышал, как он в соседней комнате рассказывал матери:

– Что ужасно – так это его ревматизм! Бриджит говорит, что он думает о том, что не заплатили за квартиру, а это усиливает воспаление. Если бы у старшего сына был костюм, он мог бы получить место в лавке…

Лицо ребенка было очень озабоченным, когда он вошел.

– Дорогая сказала, что вы меня зовете, мистер Хэвишем, – обратился он к поверенному, – Я сейчас разговаривал с Бриджит.

Мистер Хэвишем посмотрел на него нерешительно.

– Граф Доринкорт., – начал было он и невольно взглянул на миссис Эррол.

Она вдруг стала на колени перед сыном и, нежно обняв его, сказала:

– Седди! Граф Доринкорт, твой дедушка, отец твоего отца, очень, очень добр. Он любит тебя и хочет, чтобы и ты его любил. Все его дети умерли, он хочет, чтобы ты был счастлив и другим приносил счастье, – он так сказал мистеру Хэвишему и дал ему много денег для тебя. Ты можешь дать их Бриджит, чтобы она заплатила за квартиру и купила Майклу все, что нужно. Как это хорошо, Седди! Не правда ли?

Она поцеловала мальчика, а тот, вспыхнув от удивления, смотрел то на мать, то на поверенного.

– Не могу ли я сейчас получить деньги, а то она уйдет…

Мистер Хэвишем протянул ему деньги. Это были новень-

кие, аккуратно сложенные банкноты.

Седди бросился вон из комнаты.

– Бриджит! – кричал он, вбегая в кухню. – Бриджит! Постойте!.. Вот вам деньги! Дедушка мне их прислал… Это вам и Майклу.

– О мистер Седди! – почти в ужасе воскликнула Бриджит. – Двадцать пять долларов!.. Где ваша мама?

– Мне надо пойти разъяснить ей, в чем дело, – сказала миссис Эррол, услыхав голос Бриджит.

Она пошла в кухню, а мистер Хэвишем подошел к окну и задумался.

«Старый одинокий подагрик граф Доринкорт, – думал он, – сидит теперь в мрачной библиотеке своего замка, окруженный величием и роскошью, никем не любимый, – *– потому что за всю свою долгую жизнь он сам никого не любил, кроме одного себя. Вспыльчивый эгоист, он был занят только удовлетворением собственных прихотей, на них он тратил свое богатство, а о других не заботился. Теперь он старый больной человек, безумное потакание своим слабостям только расстроило здоровье и сделало человеконенавистником. Люди, в свою очередь, его ненавидят. Несмотря на свое громадное состояние, граф Доринкорт – самый нелюбимый джентльмен и теперь брошен всеми. Он мог бы приглашать гостей, задавать роскошные обеды и устраивать блестящие охоты, но он знает, что собравшиеся по его приглашению гости втайне будут бояться его сердитого лица, злых замеча-

ний. У него необыкновенно злой язык и крутой нрав, ему доставляет особенное удовольствие безнаказанно осмеивать людей, глумиться над ними».

Мистер Хэвишем знал наизусть все его привычки и, стоя у окна, мысленно сравнивал картины домашней жизни деда и внука: здесь скромная обстановка, прелестный мальчик, который рассказывает ему о своих друзьях – торговке, лавочнике, Дике, о своем благородном желании помочь им… И огромные владения и власть делать добро и зло, которые со временем будут в руках маленького лорда. Какая разница!

Вскоре Седрик с матерью воротились. Мальчик был очень оживлен, тотчас же уселся между матерью и поверенным и радостно рассказывал им о счастье Бриджит:

– Она очень плакала, она говорит, что это от радости: я никогда не видал, чтобы люди плакали от радости. Какой мой дедушка добрый! Я не знал, что он такой добрый, и не представлял, что так приятно быть графом… Я почти рад, что буду со временем графом.

3. Отъезд

В продолжение следующей недели Седрик все больше убеждался в преимуществах быть графом. Он долго не сознавал, что может исполнять все свои желания, и только после нескольких разговоров с мистером Хэвишемом понял, какими большими средствами он теперь располагает.

Перед отъездом в Англию он ходил утром с поверенным к Дику, а после обеда увидел торговку древнего рода и, остановившись перед ее лотком, объявил, что у нее будут палатка, грелка, теплый платок и достаточно денег.

– Я уезжаю в Англию и буду лордом, – скромно сказал ей Седрик. – Я не хочу, чтобы ваши кости болели, когда на дворе сыро. Мои кости никогда не болят, и я не знаю, как это больно, но мне вас жаль, и я желаю вам быть здоровой.

Старуха онемела от изумления и не могла поверить своему счастью.

– Вы не знаете, какая это добрая женщина, – заметил Седрик, возвращаясь с мистером Хэвишемом домой. – Раз я упал и сильно ушиб коленку, и она дала мне даром яблоко. Я этого никогда не забуду. Ведь нельзя же забывать тех, кто сделал тебе добро.

Честный, хороший мальчик не воображал, что много есть людей, забывающих добро.

Свидание с Диком было очень трогательным. В этот день

Джек сильно обидел бедного Дика, и тот стоял на обычном своем месте грустный, убитый. Надо себе представить, что с ним сделалось, когда Седрик спокойно объявил ему, как он намерен его выручить. Мистер Хэвишем стоял в стороне и невольно удивлялся той ясности, с которой Седрик излагал суть дела своему приятелю. Известие, что его маленький друг сделался лордом, и есть опасность, что со временем он будет графом, если проживет долго, до того поразило Дика, что у него свалилась шапка с головы и он стоял разинув рот.

– Посмотрим еще, что из этого выйдет, – сказал он наконец. – Да и правду ли вы еще говорите?

Маленький лорд слегка сконфузился, но скоро оправился.

– Сначала все так думали, что это неправда, – заметил он. – Мистер Гоббс – тот решил, что у меня солнечный удар. Я сперва не очень был рад, что я лорд, но теперь доволен. Мой дедушка, граф, хочет, чтобы я делал, что мне угодно. Он такой добрый, прислал мне с мистером Хэвишемом кучу денег, и я принес вам столько, сколько нужно, чтобы откупиться от Джека.

В конце концов Дик откупился от своего компаньона и открыл собственное дело. Он получил изумительную вывеску, новые щетки и отличное снаряжение. Он, как и старая торговка, не верил своему счастью и глядел так, как будто это все был чудесный сон, и он боялся, что в любой момент может проснуться. Опомнился Дик только тогда, когда Седрик подал ему руку на прощанье.

– Прощайте, – сказал маленький лорд, и голос его дрогнул, а в больших карих глазах сверкнули слезы. – Надеюсь, что ваше дело пойдет успешно. Мне жаль уезжать от всех вас но я, может быть, возвращусь сюда, когда буду графом. Пишите мне, пожалуйста, вот мой адрес. – И он подал Дику клочок бумаги. – Мое имя уже не Седрик Эррол, а лорд Фауг > лерой. Прощайте, Дик!

Дик быстро заморгал, хотел что-то сказать, но в горле застрял ком.

– Я не хочу, чтобы вы уезжали, – произнес он наконец глухо. Взглянув на поверенного, он снял шапку: – Благодарю вас, сэр, за то, что вы привели его сюда, и за то, что вы сделали. Седди славный мальчик, да! Я всегда говорил, что он славный мальчик.

Когда они ушли, Дик долго смотрел им вслед и тихо плакал.

До самого отъезда его светлость часто навещал мистера Гоббса, который впал в уныние при известии о предстоящей разлуке с маленьким приятелем. Когда Седрик торжественно поднес ему прощальный подарок – золотые часы с цепочкой, Гоббс положил их на свое толстое колено и громко высморкался несколько раз.

– Откройте часы, – попросил Седрик, – на крышке есть надпись. Я сам сказал, что вырезать внутри. «Мистеру Гоббсу от его самого старинного друга, лорда Фаунтлероя». Глядя на эту надпись, вы каждый раз будете вспоминать обо мне.

Я не хочу, чтобы вы меня забыли.

Мистер Гоббс опять громко высморкался.

– Я никогда вас не забуду, – как-то растерянно сказал он. – Вы-то, смотрите, не забудьте меня среди аристократов.

– Где бы я ни был, я вас всегда буду помнить, – отвечал маленький лорд. – С вами я провел самые счастливые часы моей жизни. Надеюсь, вы приедете ко мне. Я уверен, что дедушка будет очень рад с вами познакомиться; может быть, он сам пригласит вас, когда я ему про вас расскажу. Вам… вам не будет неприятно, что он… граф? Я хочу сказать: вы не откажетесь от приглашения, оттого что он граф?

– Ради вас приеду, – милостиво ответил Гоббс.

И они решили, что если Гоббс получит приглашение приехать на несколько месяцев в замок Доринкорт, то он тотчас же уложит чемодан и отправится в путь.

И вот день отъезда Седрика настал. Вещи отправили на пароход, карета стояла у подъезда… Чувство одиночества охватило мальчика. Его мать заперлась в свою комнату, и, когда она вышла, глаза ее были заплаканы, губы дрожали. Седрик подбежал к ней, и они крепко обнялись. Седрик смутно понимал, отчего им обоим так грустно, и сердце подсказало ему слова:

– Дорогая, мы любили свой маленький дом! Мы всегда будем его любить, не правда ли?

– Да, да, мой милый! – отвечала тихо мать.

Когда они сели в карету и поехали, она высунулась в

окошко, чтобы еще раз взглянуть на дом, который они покидали. Седрик взял ее руку и крепко прижал к себе.

Они не заметили, как карета остановилась, и они очутились на палубе парохода среди толпы пассажиров, суетившихся в ожидании запоздавшего багажа или переносивших большие сундуки. Матросы собирали канаты, офицеры отдавали приказания. Мужчины, женщины, няньки с детьми то и дело поднимались на палубу – одни смеялись и болтали, другие печально смотрели, двое-трое плакали, отирая глаза платком. Седрика все занимало: кучи канатов, свернутые паруса, высокие мачты, которые, казалось, касались неба. Он тотчас стал строить планы, как завязать разговор с матросами и расспросить их о пиратах.

Перед самым отплытием, когда Седрик стоял на верхней палубе, он вдруг заметил, что кто-то проталкивается через J толпу. Это был Дик, он, запыхавшись, прорывался сквозь толпу с чем-то красным в руке.

– Я всю дорогу бежал… хотел еще раз проститься с вами… и дать платок на память… Меня там внизу пускать не хотели… пока протискивался, потерял бумагу, в которой платок был завернут…

Он говорил, с трудом переводя дух, и в эту минуту прозвонил колокольчик – Дик опрометью бросился назад, прежде чем Седрик успел вымолвить слово.

– Прощайте! – кричал Дик уже издалека. – Носите мой платок, когда будете среди аристократов!

Через две секунды Седрик видел, как он, продравшись сквозь толпу на нижней палубе, бросился по трапу как раз в ту минуту, когда его хотели убирать, и затем остановился на берегу и стал махать шапкой.

Седрик развернул подарок: это был красный шелковый платок с изображенными на нем лошадиными головами и подковами. Маленький лорд подался вперед и, махая красным фуляром[5], кричал:

– Прощайте, Дик!.. Благодарю вас!.. Прощайте!..

Пароход отчалил. Пассажиры крикнули последнее «прости», и мама Седрика опустила вуаль.

На берегу суетились и шумели, но Дик не замечал ничего, он смотрел издали на детское лицо, развевающиеся волосы, освещенные солнцем, и слышал только голос маленького лорда Фаунтлероя, который медленно удалялся от места своего рождения к незнакомой земле предков.

[5] Фуляр – шелковый шейный платок.

4. В Англии

Во время плавания мать сообщила Седрику, что она не будет жить с ним в одном доме: мальчик пришел в такое отчаяние, что мистер Хэвишем тут только убедился, как хорошо старый граф поступил, решив, чтобы мать жила недалеко от ребенка и часто с ним виделась. Ясно было, что он не вынес бы полной разлуки с нею. Миссис Эррол нежно утешала сына и так убедительно с ним говорила, что в конце концов успокоила его.

– Мой дом будет близко от замка, – повторяла она всякий раз, когда мальчик заговаривал об этом. – Я буду так близко, что ты сможешь каждый день прибегать ко мне. Подумай, сколько тебе придется мне рассказывать! Вот увидишь, мы будем очень счастливы. Твой папа часто мне говорил о замке Доринкорт: это великолепный дом; твой папа его очень любил, и ты тоже его полюбишь.

– Я бы полюбил его гораздо сильнее, если бы ты жила со мной, – отвечал маленький лорд, тяжело вздыхая.

Он не мог понять, отчего мать не могла жить вместе с ним, это казалось чрезвычайно странным, а мать не хотела ему открыть настоящей причины их разлуки.

– Лучше не говорите ему, – сказала она поверенному, – он не поймет этого и будет огорчен и глубоко оскорблен, если узнает, что его дед меня ненавидит: это может дурно повли-

ять на его чувства к деду. Он не понимает, что также ненависть, для него было бы тяжелым ударом узнать, что кто-нибудь меня ненавидит. Он так любит меня! Пусть он только со временем, когда возмужает, узнает всю правду; теперь же это совершенно оттолкнет Седди от графа, даром что он еще совсем ребенок.

Итак, Седрик узнал только, что существует какая-то таинственная причина, которую ему откроют впоследствии, почему его маме нельзя жить с дедушкой, и он примирился со своей судьбой, тем более что мать старалась выставлять только привлекательную сторону его будущей жизни. Но он все-таки часто сидел задумавшись на палубе, глядя на море, и мистер Хэвишем слышал, как он не по-детски вздыхает.

– Мне это распоряжение не нравится, – говорил маленький лорд поверенному. – Вы не знаете, до какой степени оно мне не нравится! Но Мэри говорит, что в жизни много горя и надо уметь пережить его. И мистер Гоббс то же самое говорил мне. Дорогая хочет, чтобы я жил с дедушкой, потому что все дети его умерли. А это ведь большое несчастье, и мне очень жаль дедушку, особенно потому, что один из его сыновей умер внезапно.

Мистер Хэвишем мало-помалу привязался к маленькому лорду, ему нравилось с ним разговаривать.

– Вы постараетесь любить графа? – спросил он однажды у мальчика.

– Да, – отвечал его светлость, – он мой очень близкий

родственник, и, разумеется, каждый должен любить своих родных. Если бы кто другой так много для меня сделал, как граф, и доставил бы мне столько удовольствия, то я и его бы любил, а уж о близком родственнике и говорить нечего.

– А как вы полагаете, полюбит ли вас дедушка?

– Думаю, что да. Ведь и я ему родственник, я сын его сына, да наконец, если бы он меня не любил, зачем бы он за мной прислал?

– Ого! – воскликнул поверенный. – Вы так думаете?

– Конечно, – отвечал Седрик. – Разве вы не такого же мнения? Как не любить внука!

Все пассажиры на пароходе уже знали историю маленького лорда и интересовались мальчуганом, который бегал по палубе, беседовал с матросами или расхаживал с матерью или старым поверенным. Все его полюбили, он со всеми подружился. Когда мужчины, гуляя по палубе, шутили с ним, он весело отвечал на их шутки; когда он разговаривал с дамами, то в группе, центром которой был маленький лорд, всегда раздавался смех; когда он играл с детьми, он придумывал самые затейливые игры. Но лучшими его друзьями стали матросы: они рассказывали ему чудесные истории о пиратах, о кораблекрушениях и о необитаемых островах. Матросы выучили его вязать морские узлы и делать игрушечные корабли.

На одиннадцатый день Седрик прибыл в Ливерпуль, а вечером он сел с матерью и поверенным в карету, которая при-

везла их прямо к воротам Корт-Лоджа. Было уже темно, Седрик видел только, что они проехали под высокими деревьями и вскоре остановились у ярко освещенного подъезда. Мэри, которая ехала с ними на пароходе, прибыла раньше их и ждала уже у входа. Седрик выпрыгнул из кареты и увидел, что кроме Мэри у дверей стояли еще двое слуг.

Маленький лорд бросился к своей няне с громким восклицанием:

– Как вы сюда попали раньше нас,

Мэри? Дорогая, Мэри уже здесь! – и он крепко поцеловал красные шершавые щеки служанки.

– Как я рада, Мэри, что вы здесь, – шепнула миссис Эррол. – Это большое утешение для меня, мне так было бы тоскливо без вас.

Она подала руку служанке, и та сочувственно ее сжала.

Английские слуги с любопытством смотрели на мальчика и его мать. До них доходило множество слухов о миссис Эррол и ее сыне. Они знали, как граф был взбешен женитьбой капитана Седрика и почему миссис Эррол будет жить в маленьком доме в Корт-Лодже, а ее мальчик, в замке; они знали, что он наследует громадное состояние деда, знали также, как суров и сердит старый граф.

– Бедняжка! – перешептывались они. – Как тяжело ему будет!

Но они не знали характера будущего графа Доринкорта.

Мальчик ловко сбросил с себя пальто; видно было, что он

не привык к посторонней помощи. Он внимательно осмотрел просторную переднюю, увешанную картинами и оленьими рогами. Ничего подобного он не видывал до сих пор ни в одном доме.

– Дорогая, – сказал он, – это хороший дом, и какой большой! Я рад, что вы будете здесь жить.

Это был, конечно, очень красивый и даже большой дом по сравнению с их скромным домиком в Нью-Йорке.

Мэри повела их наверх в великолепную спальню с мягкой мебелью и занавесками из дорогого ситца; в камине ярко горел огонь, и белая персидская кошка спала на белом меховом ковре перед огнем.

– Экономка принесла сюда эту кошку, – сказала Мэри, – чтобы в комнате стало уютнее. Она очень добрая женщина и все заранее приготовила для вас. Она так любила покойного капитана и до сих пор все плачет о нем. Она его знала еще мальчиком; говорит, что он прелесть как был хорош собой и добр, как ангел. А я ей сказала, что капитан оставил после себя сына, такого же игривого и доброго, как он сам был.

Переодевшись, они сошли вниз, в другую большую, светлую комнату, с тяжелой резной мебелью, стульями с высокими спинками и этажерками с разными украшениями. Перед камином лежала тигровая шкура, а с обеих сторон стояло по креслу. Белая кошка пришла вниз за маленьким лордом, и, когда он бросился на тигровую шкуру, она свернулась рядышком, как будто собиралась подружиться с ним. Седрик

был так доволен, что положил голову возле кошки и гладил ее, не обращая внимания на разговор матери с мистером Хэвишемом. Они, правда, говорили вполголоса. Миссис Эррол была бледна и взволнованна.

– Надеюсь, что Седди не сейчас уедет? – спрашивала она. – Можно ему еще одну ночь провести со мной?

– Конечно, – тихо отвечал мистер Хэвишем. – Ему не нужно сейчас уезжать. Я отправлюсь в замок тотчас после обеда и объявлю графу о вашем приезде.

Миссис Эррол посмотрела на Седрика. Тот беспечно лежал на тигровой шкуре, огонь освещал его русые кудри и раскрасневшееся личико; мальчик гладил кошку, которая довольно мурлыкала.

Миссис Эррол печально улыбнулась.

– Граф не знает, – грустно сказала она, – что он у меня отнимает. Скажите ему, – прибавила она, глядя на поверенного, – что я не хотела бы брать от него денег.

– Денег? – воскликнул мистер Хэвишем. – Вы отказываетесь от назначенного вам ежегодного содержания?

– Да, – отвечала она просто. – Я бы не хотела получать его. Я вынуждена, согласитесь, жить в этом доме, потому что иначе не видала бы сына; но у меня есть немного собственных сбережений, мне их достаточно, чтобы жить скромно. Ничего другого мне не надо… Граф меня ненавидит; если я приму его деньги, мне будет казаться, что я продала сына… А я отдаю его только потому, что забываю себя ради его бла-

га и что покойный отец его одобрил бы мое решение.

Мистер Хэвишем потер подбородок.

– Это очень странно! Граф рассердится. Он не поймет.

– Поймет, если вдумается хорошенько. Мне, право, денег не нужно, – продолжала она. – Рассудите сами, могу ли я быть обязана человеку, который меня ненавидит и отнимает у меня моего мальчика, ребенка своего сына?

Мистер Хэвишем задумался.

– Я передам графу ваши слова, – сказал он.

Подали обед; они сели за стол втроем; белая кошка уселась около Седрика, мурлыкая все время.

Когда поздно вечером мистер Хэвишем явился в замок, его сейчас же позвали к графу, который сидел в мягком кресле перед огнем. Больная нога его покоилась на стуле. Граф строго взглянул на поверенного. Видно было, что, несмотря на усилие сохранить спокойствие, он был очень взволнован.

– Приехали? Ну что, Хэвишем, какие известия?

– Лорд Фаунтлерой и его мать в Корт-Лодже, они благополучно перенесли плавание и здоровы.

Граф что-то нетерпеливо промычал, руки его нервно задвигались.

– Рад это слышать, – сказал он отрывисто. – Пока все хорошо. Садитесь. Хотите стакан вина? Ну, что еще?

– Его светлость остался у матери. Завтра я привезу его в замок.

Граф прикрыл глаза рукой.

– Так… Продолжайте. Я вам запретил писать мне, и я ничего не знаю. Что это за мальчик? Про мать мне не нужно знать, а он какой?

Мистер Хэвишем выпил рюмку вина.

– Трудно судить о характере семилетнего ребенка, – осторожно сказал он.

Граф был сильно предубежден. Он быстро взглянул на поверенного:

– Дурак он, что ли, или грубиян? Сказывается американская кровь?

– Нет, сэр, мне кажется, она ему не повредила, – сухо ответил поверенный. – Я не судья, но, по-видимому, он славный мальчик.

Мистер Хэвишем всегда говорил обдуманно, не увлекаясь, а сейчас нарочно себя сдерживал еще больше, чтобы граф при свидании с внуком не разочаровался.

– Здоров? Высок ростом?

– Кажется, здоров и довольно высок для своих лет.

– Хорошо сложен и недурен?

Мистер Хэвишем слегка улыбнулся: он вспомнил прелестного мальчика на тигровой шкуре.

– Кажется, красив, – отвечал он, – я мало толку знаю в детях, но он не такой, как английские мальчики.

– Не сомневаюсь, – промычал граф, чувствуя приступ подагры. – Американские дети все бесстыжие нищие, знаю!

– Это не совсем так, – возразил Хэвишем. – Лорд жил со

взрослыми людьми, и разница, кажется, заключается в том, что в нем какая-то смесь детской беспечности с серьезностью взрослого.

– Американское бесстыдство! – настаивал граф. – Они называют это ранним развитием и свободой… Отвратительные манеры – вот это что!

Мистер Хэвишем отпил еще немного вина. Он никогда не спорил с графом, когда того мучила подагра. В таких случаях лучше было оставить его в покое. Они немного помолчали. Хэвишем первый заговорил:

– У меня есть к вам поручение от миссис Эррол…

– Никаких поручений от нее. Чем меньше будут о ней говорить, тем лучше.

– Это очень важный вопрос. Она не желает получать от вас денег.

Граф вспыхнул.

– Это еще что? – крикнул он.

Мистер Хэвишем повторил:

– Она не желает получать от вас денег, потому что ваши отношения далеко не дружеские…

– Не дружеские? – взорвался граф. – Да я ее ненавижу! Думать о ней не хочу! Продажная, крикливая американка! Видеть ее не желаю!

– Милорд, – сказал мистер Хэвишем, – едва ли можно назвать ее продажной. Она ничего не просила и не хочет даже принять то, что вы предлагаете.

– Это нарочно! – перебил его благородный граф. – Она хочет принудить меня принять ее, воображает, что поразит меня силой духа! Не выйдет! Это все американская самостоятельность! Я не хочу, чтобы она у ворот моего замка жила как нищая. Она мать моего внука и должна жить прилично. Хочет или нет, а деньги ей придется получать!

– Она не станет их тратить, – заметил мистер Хэвишем.

– Мне все равно, станет она их тратить или нет, – бушевал граф. – Посылать деньги буду! Не позволю ей рассказывать, что она живет как нищая, что я ей ни гроша не даю! Она хочет восстановить мальчика против меня! Она, верно, уж невесть что ему про меня наговорила!

– Нет, – возразил мистер Хэвишем. – У меня есть еще одно поручение к вам, которое убедит вас, что она не сделала этого.

– Я и слышать ничего не хочу! – кричал, задыхаясь, граф.

Но мистер Хэвишем спокойно продолжал:

– Она просит вас не говорить лорду Фаунтлерою ничего такого, из чего он может понять, что вы из ненависти к ней разлучаете ее с сыном. Он очень к ней привязан, и она уверена, что это может его оттолкнуть от вас, внушить ему чувство страха или помешать ему любить вас. Она ему сказала, что он слишком мал, чтобы понять, отчего она не может жить с ним, но что со временем она ему все скажет. Она желает, чтобы ни малейшей тени не легло между вами и ребенком.

Старик опустился глубже в свое кресло, глаза его гневно

сверкали из-под бровей.

– Что? – протянул он, задыхаясь. – Вы хотите меня уверить, что она ничего ему не сказала?

– Ни единого слова, милорд, – холодно отвечал поверенный. – Уверяю вас, что ни единого. Мальчика убедили, что вы самый любящий и добродушный дед. Ему не сказали ни одного слова не в похвалу вам. И так как я исполнил в точности все ваши приказания в Нью-Йорке, то он, конечно, уважает вас за щедрость и великодушие.

– Это правда? – спросил граф.

– Даю вам слово, – отвечал мистер Хэвишем, – что от вас теперь зависит произвести самое лучшее впечатление на лорда Фаунтлероя. И если вы позволите мне высказать свое мнение, я уверен, что вы достигнете своей цели, если ни единого дурного слова не скажете про его мать…

– Хо-хо, – пробормотал граф. – Мальчику всего семь лет.

– Да, но все семь лет он неразлучно провел с матерью, – возразил мистер Хэвишем, – и очень к ней привязан.

5. В замке

На другой день, далеко за полдень, мистер Хэвишем и маленький лорд ехали в карете по длинной аллее, ведущей к замку. Старый граф распорядился, чтобы внук прибыл к обеду, и по каким-то одному ему известным причинам велел, чтобы ребенка впустили к нему в комнату одного. Маленький лорд, сидя в карете, с большим любопытством смотрел в окошко. Все ему было интересно: карета, запряженная превосходными лошадьми, блестящая сбруя, нарядный кучер и высокий лакей в ливрее. Герб на дверцах кареты особенно привлек его внимание, и он спросил лакея, что он означает.

Когда карета подъехала к воротам парка, Седрик высунулся из окна, чтобы рассмотреть каменных львов у входа. Ворота отперла женщина, которая вышла из увитой плющом сторожки при въезде в парк. За ней выскочили двое детей, они во все глаза смотрели на маленького лорда, а он на них. Привратница с улыбкой присела и сделала знак своим мальчикам, которые тоже поклонились.

– Разве она меня знает? – спросил маленький лорд Фаунтлерой и снял свою бархатную шапочку, отвечая улыбкой на приветствие. – Здравствуйтн! Добрый день! – сказал он.

Женщина еще шире улыбнулась

– Да хранит вас Бог, милорд! – произнесла она. – Желаю

вам счастья! Добро пожаловать!

Маленький лорд замахал шапочкой, поклонился еще раз, и карета поехала дальше.

– Мне эта женщина нравится, – заметил он. – Она, должно быть, очень любит своих мальчиков. Мне хотелось бы приходить сюда играть с ними. Она в состоянии принимать гостей?

Мистер Хэвишем знал, что ему едва ли позволят играть с детьми привратницы, но смолчал.

Карета катилась по аллее, и ветви деревьев смыкались над ней, образуя широкую арку. Седрик никогда не видал таких величественных деревьев. Он еще не знал, что замок Доринкорт – один из великолепнейших в Англии, а его парк не имел себе равных по красоте и размерам. Ему просто нравились эти большие, широко простирающие ветки деревья, где местами сквозь густую листву просвечивали последние лучи солнца, и эти поляны, поросшие высокими папоротниками и множеством голубых колокольчиков, колышущихся при легком ветерке. Он смеялся от радости, увидев, как кролик подскочил в траве и унесся прочь, мелькая коротким белым хвостом. Вдруг из-за кустов вспорхнула стая куропаток, и Седрик захлопал в ладоши.

– Как красиво! – сказал он Хэвишему. – Я никогда не видел такого великолепного парка. Он даже лучше центрального парка в Нью-Йорке.

Седрика удивило, что они так долго едут.

– Сколько идти от ворот до главного крыльца? – спросил он.

– Мили три-четыре.

– Как странно жить так далеко от собственных ворот! – заметил маленький лорд.

Каждую минуту ему на глаза попадалось что-то, что приводило его в восхищение. Когда он увидел стадо оленей, которые стояли и лежали в траве и, встревоженные стуком колес, испуганно повернули свои грациозные головки с рожками в сторону аллеи, Седрик пришел в полный восторг.

– Разве тут был цирк? – воскликнул маленький лорд. – Или они всегда здесь живут? Чьи они?

– Они принадлежат вашему деду и живут здесь, – отвечал поверенный.

Вскоре показался замок – темное величественное здание возвышалось перед ними. Последние лучи солнца золотили многочисленные его окна; башни, стены с бойницами сплошь увиты плющом, все пространство перед замком было в клумбах с изумительными цветами.

– Я никогда не видел ничего подобного! – воскликнул Седрик. – Это точно царский дворец. Я видел такие на картинке в сказке.

Высокая входная дверь отворилась, слуги стояли в два ряда, – все глаза были устремлены на Седрика. Мальчик подивился их богатым ливреям и не понимал, зачем они здесь стоят. Он не подозревал, что они собрались, чтобы привет-

ствовать маленького мальчика, которому со временем достанется сказочный замок, великолепный парк со старыми могучими деревьями, поляны с папоротниками и синими колокольчиками, среди которых резвятся зайцы и кролики, пятнистые большерогие олени, притаившиеся в густой траве. Только две недели тому назад этот самый мальчик сидел, болтая ногами, в лавке мистера Гоббса среди картофеля и консервированных персиков: мог ли он представить себе, что эта роскошь когда-нибудь будет принадлежать ему.

Во главе слуг стояла женщина почтенного возраста, в черном шелковом платье и в чепчике на седых волосах. Когда мальчик вошел в обширную переднюю, она выступила вперед. Мистер Хэвишем вел Седрика за руку и вдруг остановился.

– Вот лорд Фаунтлерой, – произнес он. – Лорд Фаунтлерой, это миссис Меллон, экономка, она заведует всем домом.

Седрик подал ей руку, глаза его блеснули.

– Это вы мне прислали белую кошку? Очень вам благодарен.

Лицо миссис Меллон просияло.

– Я бы сразу узнала его светлость, – сказала она мистеру Хэвишему. – Как он похож на капитана! Нынче великий день, сэр!

Седрик удивился, почему это великий день? Он взглянул на миссис Меллон, и ему показалось, что у нее слезы на глазах, но вместе с тем непохоже было, что это от печали – она

улыбалась.

– От нее есть два котенка, я пришлю их в комнату милорда, если угодно.

Мистер Хэвишем сказал ей что-то потихоньку.

– В библиотеке, сэр, – отвечала она. – Приказано лорда впустить одного.

Несколько минут спустя высокий лакей, который сопровождал Седрика, распахнул двери библиотеки и торжественно произнес:

– Лорд Фаунтлерой! – Лакей чувствовал всю торжественность этой минуты: в замок входил наследник, будущий граф.

Седрик переступил порог большой комнаты с множеством шкафов и книжных полок. Резная мебель была вся темная, занавеси тяжелые, оконные ниши глубокие, от дверей до конца комнаты было очень далеко, и так как солнце уже село, кругом царил полумрак. В первую минуту Седрику показалось, что в комнате никого нет, но вскоре он заметил, что около зажженного камина стоит большое кресло, а в кресле сидит кто-то, кто даже не повернулся, чтобы взглянуть на него. Но зато нашлось другое существо, обратившее внимание на Седрика. На полу, около кресла, лежала громадная рыжая, лохматая, похожая на льва собака. Она медленно и величаво поднялась и направилась к мальчику.

– Дугл, назад! – крикнул чей-то резкий голос.

Но маленький лорд совсем не испугался. Он взял собаку

за ошейник и вместе с ней пошел вперед. Дугл все время фыркал.

Тогда граф, сидевший в кресле, поднял глаза. Седрик увидел перед собой высокого старика с пушистыми седыми волосами и густыми бровями, с орлиным носом и темными зоркими глазами, в которых тоже было что-то орлиное.

Старик же граф увидел перед собой мальчика в бархатной черной куртке с кружевным воротником, белокурые локоны обрамляли красивое мужественное лицо, ясные глаза доверчиво встретили строгий взгляд деда. Если замок был похож на волшебный дворец, то маленький лорд еще больше напоминал сказочного принца. Внезапное чувство торжества и восторга вспыхнуло в сердце старого графа, когда он увидал внука, который без тени смущения стоял перед ним, держа за ошейник огромную собаку. Графу понравилось, что мальчик не боялся ни его, ни собаку.

Седрик поглядел на деда так же внимательно, как на привратницу, и близко подошел к нему.

– Вы граф? – спросил он. – Вы знаете, я ваш внук. Меня привез мистер Хэвишем. Я лорд Фаунтлерой. – Он протянул руку старику, думая, что учтивость этого требует. – Надеюсь, вы здоровы, – продолжал он. – Я очень рад вас видеть.

Граф пожал ему руку. Глаза его странно сверкнули. Он был так удивлен, что не знал, что сказать. Он оглядывал ребенка с ног до головы из-под своих густых бровей.

– Ты рад меня видеть? – спросил он наконец.

– Да, очень рад, – ответил маленький лорд и сел на высокий стул. Его ноги не доставали до полу, но он сидел спокойно и внимательно глядел на своего сиятельного деда.

– Я часто думал, – начал он, – на кого вы похожи. Лежа на койке на корабле, я все спрашивал себя: не похожи ли вы на моего отца?

– И что же, похож? – спросил граф.

– Я был очень маленький, когда папа умер, и не очень хорошо его помню, но, кажется, вы на него непохожи.

– Наверное, ты разочарован?

– О, нет! – вежливо ответил Седрик. – Конечно, каждому хочется, чтобы все были похожи на его папу. Но дедушку можно любить, даже если он непохож на папу. Вы сами знаете, что близкие родственники всегда нам нравятся.

Граф откинулся на спинку кресла. Он уж никак не мог сказать, чтобы родственники ему нравились. Он всегда с ними ссорился, выгонял из своего дома, бранил их, и они его ненавидели.

– Каждый мальчик любит своего деда, – продолжал маленький лорд, – особенно такого доброго, как вы…

Странный огонь блеснул в глазах старика.

– О! – сказал он. – Разве я был добр к тебе?

– И как еще! – оживленно отвечал Седрик. – Я вам очень благодарен за Бриджит, за торговку и за Дика.

– Бриджит! Торговка! Дик! – воскликнул граф.

– Да, – пояснил Седрик, – это для них вы дали мне денег,

то есть велели мистеру Хэвишему дать мне их.

– Гм, – промычал граф. – Понимаю. Деньги, которые ты мог потратить как захочешь. Ну, расскажи, что ты на них купил? Я хочу знать, на что ты их потратил.

Старик сдвинул свои густые брови и строго смотрел на мальчика.

– Вы, наверное, не знаете о Бриджит, о торговке яблоками и о Дике. Я забыл, что вы так далеко от них живете. Это мои друзья. Видите, Майкл был очень болен…

– Кто такой Майкл?

– Муж Бриджит.

И мальчик рассказал всю историю несчастной семьи.

– Гм, так вот что ты решил сделать для себя. А что еще?

Дугл в это время сидел возле высокого стула и, часто оборачиваясь, смотрел на Седрика. Это был важный пес, и не в его привычках было сразу же проникаться доверием к кому бы то ни было. Граф не терял его из виду и изумлялся, что животное смирно сидит около ребенка.

А Дугл еще раз дружелюбно взглянул на маленького лорда и положил свою львиную голову ему на колени. Седрик стал гладить этого нового друга.

– А вот Дик, – продолжал он, – тот вам непременно понравился бы, он такой трудолюбивый! Он чистил сапоги на улице.

– Как? И ты был с ним знаком? – спросил граф.

– Он мой давнишний приятель, правда, не такой старый,

как мистер Гоббс, но давнишний. Он на прощанье подарил мне вот это. – Седрик вынул платок и развернул его. – Я буду беречь его всегда-всегда. Его можно носить на шее или держать в кармане. Он его купил на первые деньги, которые выручил, когда я помог ему откупиться от Джека и подарил ему новые щетки. Мистеру Гоббсу я купил золотые часы и велел вырезать на крышке слова: «Мистеру Гоббсу от его самого старинного друга, лорда Фаунтлероя». Это чтобы он вспоминал меня. А когда я смотрю на платок, то вспоминаю Дика…

Трудно описать впечатление, произведенное этими рассказами на благородного графа Доринкорта! Его нелегко было удивить чем-нибудь, он слишком хорошо знал жизнь, – но то, что он услышал от внука, было для него настолько непонятно, что у старика перехватило дыхание. До сих пор он никогда не интересовался детьми, он был так поглощен собственными развлечениями, что на детей у него времени не хватало. Он не обращал внимания на сыновей, когда те были маленькие, хотя помнил, что отец Седрика был сильный, красивый мальчик. Всех детей вообще он считал надоедливыми существами, которых надо построже держать в руках. Старшие сыновья сильно досаждали ему тем, что учителя беспрестанно на них жаловались, один только младший, отец Седрика, учился хорошо и вел себя прилично, но жестокосердного графа раздражало, что он лучше своих братьев, и он каждый день придирался к мальчику.

Внука своего граф Доринкорт вызвал из Америки вовсе

не из родственной нежности, а из тщеславия, желая воспитать будущего наследника по-своему. В ожидании его приезда старик сильно волновался и заранее злился, думая, что к нему привезут полудикого грубого американца, с воспитанием которого ему, пожалуй, придется еще много повозиться. Каково же было удивление старого графа, когда он увидел приятного и воспитанного мальчугана, а что всего удивительнее, старый граф привык к тому, что все боятся его, и предполагал, что внук тоже оробеет, но оказалось, мальчик уверен, что дедушка – его истинный друг.

А Седрику и в голову не приходило, что он произвел такое отрадное впечатление на себялюбивого, черствого старика.

Дед расспрашивал внука о его жизни в Нью-Йорке, о его друзьях и слушал, не спуская глаз с ребенка. Маленький лорд охотно отвечал на все вопросы, рассказывал ему про Дика, про Джека, про торговку и про мистера Гоббса, описывал республиканские митинги. Он дошел до революции и Четвертого июля и вдруг, что-то вспомнив, остановился.

– Что случилось? – спросил дед. – Почему ты не продолжаешь?

Маленький лорд завозился на стуле: ему стало неловко.

– Я вдруг подумал, что этот разговор наверное вам неприятен, – отвечал он. – Может быть, кто-нибудь из ваших участвовал в войне?.. Я забыл, что вы англичанин…

– Можешь продолжать, никого из моих там не было. Ты забываешь, что ты сам англичанин.

– О, нет, – быстро возразил Седрик, – я американец.

– Ты – англичанин! – жестко повторил старик. – Твой отец был англичанин.

Его развлекал этот спор, но Седрик был недоволен и покраснел до корней волос.

– Я родился в Америке, – протестовал он, – а кто родился в Америке, тот американец. Извините, что я возражаю вам, – прибавил он учтиво, – но мистер Гоббс сказал, что, если будет война, я… я должен стоять за американцев.

Граф сухо улыбнулся.

– За американцев? – переспросил он.

Он ненавидел все американское, но его забавлял этот маленький патриот, и он подумал, что со временем из него может выйти хороший англичанин.

Они не успели еще потолковать о революции, как пришли доложить, что подан обед.

Седрик встал, подошел к деду и, взглянув на его больную ногу, спросил:

– Хотите, я помогу вам? Вы можете опереться на мое плечо. Когда мистер Гоббс ушиб ногу о бочку с картофелем, он всегда опирался на меня.

Высокий лакей чуть не засмеялся, рискуя потерять за это место. Он всегда служил в аристократических домах и никогда не позволял себе улыбаться в присутствии господ. Теперь он с трудом удержался и только тем и спасся, что уставился на одну из картин.

Старый граф окинул глазами внука с головы до ног:

– Ты думаешь, что будешь в силах меня удержать?

– Полагаю, что да, – отвечал Седрик. – Я очень сильный, ведь мне семь лет. Вы можете одной рукой опереться на палку, а другой на мое плечо. Дик говорит, что у меня очень крепкие мускулы для моих лет.

Седрик сжал кулак и согнул руку, чтобы показать мускулы, он это сделал с таким серьезным лицом, что лакей опять принялся разглядывать картину.

– Хорошо, – сказал граф, – попробуем…

Седрик подал палку и помог ему встать. Обыкновенно лакей делал это, и старик всегда яростно ругался, когда чувствовал приступы подагры. Теперь же он молчал, хотя нога болела. Ему хотелось испытать мальчика. Медленно встав, он положил руку на детское плечо, мальчик осторожно сделал шаг вперед и зорко следил за движениями больной ноги подагрика.

– Обопритесь сильнее на меня, – сказал он, – я пойду тихонько…

Капризный старик дал ему почувствовать всю свою тяжесть и нарочно налегал больше на его плечо, чем на палку. После нескольких шагов лицо маленького лорда все вспыхнуло, сердце так и застучало, но он подбадривал себя, помня о том, что Дик похвалил его мускулы.

– Не бойтесь, – твердил он, – мне ничего… если… если недалеко идти.

До столовой было действительно недалеко, но маленькому лорду показалось, что они идут ужасно долго. Рука на его плече становилась все тяжелее с каждым шагом, дышалось все труднее, но он не думал сдаваться.

– Вам очень больно? – спрашивал он у деда. – А вы держите больную ногу в воде с горчицей? Мистер Гоббс всегда ставил ногу в горячую воду. Арника[6] тоже хорошее средство.

Лакей и огромная собака следовали за ними; лакей смотрел с изумлением на мальчика, который, напрягая все силы, стойко переносил такую тяжесть. Граф тоже бросал удивленные взгляды на раскрасневшееся личико внука.

Наконец они вошли во внушительную столовую, дотащились до стула, и граф уселся. Седрик вынул красный платок, подаренный Диком, и утер им лоб.

– Как сегодня жарко! – заметил он. – Вероятно, вы топите камин из-за вашей ноги, но мне кажется, немного жарко.

– Тебе тяжело было идти, – сказал граф.

– О, нет! Мне было не тяжело, но жарко… впрочем, летом всегда жарко… – И он опять вытер свои мокрые кудри красным платком.

Место маленького лорда было напротив деда, на другом конце стола. Стул ему был не по росту, и вообще все: большая комната, высокие потолки, массивная мебель, огромная собака, высокий лакей и сам граф – были таких размеров, что мальчик среди них казался крошечным.

---

[6] Арника – лекарственное растение.

Хотя граф был одинок, он жил роскошно, и обед был богато сервирован. Странно смотрелась огромная комната с лакеями, безмолвно стоящими вокруг стола, уставленного яркими свечами, сверкающим серебром и стеклом, с суровым стариком во главе стола и крошечным мальчиком напротив. Граф был страшно требователен к еде, хотя сам мало ел, сейчас же аппетит его был лучше, может быть, оттого, что он не злился и думал о другом. Внук занимал его мысли, граф смотрел на него через стол и заставлял говорить. Никогда граф не представлял, чтобы разговор ребенка мог его развлечь. Но маленький лорд забавлял и удивлял его – старик не мог забыть, как твердо мальчик вынес его тяжесть.

– Вы не всегда надеваете свою дворянскую корону? – почтительно спросил Седди.

– Нет, – отвечал граф улыбаясь, – она мне не к лицу.

– Мистер Гоббс говорил, что будто вы всегда ее носите, но потом подумал и прибавил, что вы ее, вероятно, снимаете, когда надеваете шляпу.

– Да, я ее иногда снимаю.

Один из лакеев вдруг странным образом закашлялся, закрывая рот рукой.

Седрик первый кончил обед и, прислонившись к спинке стула, осматривал комнату.

– Вы должны гордиться вашим домом, – сказал он. – Какой он великолепный! Я не видел таких… Правда, мне только семь лет, и я вообще мало видел…

– Ты думаешь, я могу гордиться своим домом? Да?

– Конечно, всякий им гордился бы. Я бы точно гордился, если бы он был мой. Какой у вас парк! Какие деревья! Как листья шелестят! – Он замолчал на мгновенье и потом прибавил: – Но не слишком ли он большой для двоих?

– Разве ты находишь, что он слишком велик?

– Нет, но мне кажется, что если бы мы не жили дружно, то было бы очень скучно…

– А как ты думаешь, мы будем друзьями?

– О, да! Мистер Гоббс и я, мы были большие друзья. Я его любил больше всех, кроме моей дорогой.

Брови старика сдвинулись.

– Кто это – дорогая?

– Это моя мама, – тихо ответил маленький лорд.

Ему уже пора было спать, и он немного устал. Различные впечатления утомили его, и он вспомнил, что первый раз в жизни будет спать в доме, где нет его матери. Он думал все о ней, ему не хотелось больше говорить, и граф заметил, что на лицо его набежала грустная тень. Но Седрик все-таки бодрился, и, когда после обеда они возвращались в библиотеку, он опять подставил деду плечо, и рука старика уже давила не так сильно.

Когда лакей ушел, маленький лорд сел на ковер против камина, около собаки, и молча гладил ее.

Граф наблюдал за ним: глаза мальчика казались грустными и задумчивыми, раза два он тяжело вздохнул.

– Фаунтлерой, о чем ты думаешь? – спросил граф.

Маленький лорд поднял глаза и сделал усилие, чтобы улыбнуться.

– Я думаю о моей дорогой и… и лучше я встану и похожу по комнате.

Он поднялся, положил руки в карманы и стал ходить взад и вперед; губы его были сжаты, на глаза навернулись слезы, но он высоко держал голову и ходил твердым шагом. Дугл шел за ним по пятам и тревожно посматривал на мальчика. Маленький лорд положил руку на голову собаки.

– Хороший пес, – сказал он. – Это уже мой друг: он понимает меня.

– Да что с тобой? – спросил граф. Он видел, что на ребенка навалилась тоска по дому, но он храбро старается себя пересилить, и это нравилось графу. – Подойди сюда, – сказал он.

Мальчик подошел.

– Я никогда не отлучался из дому, – проговорил он тихо. – Как-то странно ночевать не дома, а в чужом замке. Но дорогая недалеко отсюда – она велела не забывать этого. И притом мне уж семь лет, я большой и могу глядеть на ее портрет.

Он вынул из кармана темно-лиловый бархатный футлярчик.

– Вот он. Надо нажать пружину, крышка откроется, и внутри она!

Маленький лорд стоял рядом с графом и доверчиво при-

жался к его руке.

– Вот она, – повторил он, улыбаясь, когда футлярчик открылся.

Старик нахмурился, он не хотел смотреть и все-таки невольно взглянул на портрет: это было прелестное, почти детское лицо, до того похожее на сына, что граф вздрогнул.

– Ты очень ее любишь? – спросил он.

– Очень, – кротко отвечал ребенок. – Я ее очень люблю. Мистер Гоббс мой большой друг, и Дик, и Бриджит, и Мэри, и Майкл – они все мои друзья, но дорогая – мой самый лучший друг, мы друг другу все говорим. Отец оставил ее мне, чтобы я ее берег, и когда я вырасту, буду ради нее работать…

– А что ты собираешься делать? – спросил дед.

Маленький лорд сел на ковер и задумался, не выпуская портрета из рук.

– Я думал завести торговлю, как мистер Гоббс, но я предпочел бы быть президентом.

– Мы лучше пошлем тебя в Палату Лордов, – ответил дед.

– Пожалуй, если это хорошее ремесло и если меня не выберут в президенты. Держать лавку скучновато.

Граф молчал и не сводил глаз с внука. Множество новых мыслей одолевало его. Дугл спал, положив голову на лапы.

Через полчаса вошел мистер Хэвишем. В комнате было тихо. Граф выпрямился, когда поверенный подошел к его креслу, и сделал знак рукой: маленький лорд спал на полу около огромной собаки, положив руку под свою кудрявую

головку.

6. Граф и его внук

Маленький лорд не почувствовал, как его отнесли в спальню и уложили в постель. Проснувшись на другой день утром, он услыхал треск дров в камине и чей-то шепот.

– Осторожнее, Доусон, ничего ему не говорите, почему она не с ним. Он не должен этого знать, – говорил кто-то.

– Если на то воля милорда, – отвечал другой голос, – то, конечно, никто ослушаться не посмеет. А все-таки, между нами говоря, очень уж жестоко разлучать такую молоденькую госпожу с ребенком, хоть он и родился знатным. Джеймс и Томас говорили вчера в людской, что они никогда ничего подобного не видали: сидит семилетний мальчуган за столом и разговаривает с графом вежливо и в то же время свободно, как со своим лучшим другом, – а все знают, что подчас этот друг угостит тебя такой бранью, что кровь в жилах стынет… Меня и Джеймса позвали, чтобы отнести ребенка наверх. Поверите ли, он, как ангел небесный, лежал на руках Джеймса: щечки разрумянились, головка немного свесилась, а кудрявенькие волосики рассыпались по плечам. Ангелок да и только! Кажется, сам милорд им любовался: «Осторожнее, говорит, Джеймс, не разбудите его!..»

Седрик открыл глаза, повернулся и увидал двух женщин. Просторная и высокая комната, вся залитая солнцем, светлые обои, мебель, обитая ситцем в мелкий цветочек, окна,

увитые снаружи плющом, – все это понравилось Седрику. Женщины подошли к нему. Одна из них была миссис Меллон, экономка, а другая – женщина средних лет с добродушным лицом.

– Доброе утро, милорд! – сказала миссис Меллон. – Как спалось?

Маленький лорд потер глаза и улыбнулся.

– Доброе утро! – отвечал он. – Как я здесь оказался?

– Вас принесли сюда вчера, когда вы внизу заснули, – сказала экономка. – Это ваша спальня, а вот – няня Доусон к вашим услугам.

Седрик сел на кровати и подал руку миссис Доусон.

– Здравствуйте, миссис Доусон, – сказал он, – очень вам благодарен, что вы взялись заботиться обо мне.

– Зовите ее просто Доусон, милорд, она привыкла, чтобы ее так звали, – заметила с улыбкой экономка.

– Мисс Доусон или миссис Доусон? – спросил маленький лорд.

– Просто Доусон, – подхватила няня, сияя от удовольствия. – Ни мисс, ни миссис! Господь с вами! Не хотите ли встать? Я вас одену, а после вы будете завтракать в детской…

– Я привык сам одеваться, – отвечал Фаунтлерой. – Дорогая меня приучила одеваться без посторонней помощи. Дорогая – это моя мама. У нас была одна прислуга, Мэри, которая все в доме делала – и стирала, и все, – так нельзя было обременять ее работой. Я и мыться могу сам, вы мне только

немного помогите: трудно застегивать все пуговицы…

Женщины переглянулись.

– Доусон все сделает, что вы прикажете, – сказала миссис Меллон.

– Ну конечно! – вставила Доусон. – Одевайтесь сами, если хотите, а я постою возле вас и помогу, когда нужно.

– Благодарю вас, – отвечал маленький лорд.

Доусон очень ему понравилась, и, пока он мылся и одевался, он успел уже подружиться с ней и узнал от нее много интересного. Ее муж был солдат, и его убили в настоящем сражении, а сын матрос и сейчас находился в плавании; он видел пиратов и дикарей, турок и китайцев, привозил матери раковины и кусочки кораллов, которые хранятся у нее в сундуке, – Доусон обещала показать их Седрику. Еще он узнал, что она всю жизнь служила няней у многих детей, а последнее время ходила за маленькой леди Воган.

– Она родственница ваша, милорд, – добавила Доусон, – и, может быть, когда-нибудь вы с ней познакомитесь…

– Неужели? Я буду очень рад, – сказал Седрик. – Я никогда в жизни не играл с девочками, но я люблю на них смотреть.

Его повели завтракать в соседнюю комнату, такую же большую, как спальня, и Доусон сказала ему, что есть еще третья комната для него.

– Я слишком мал, чтобы жить в таком большом замке и иметь столько больших комнат, как вы думаете, Доусон?

– Вам это странно поначалу, но скоро привыкнете и вам тут понравится.

– Конечно, здесь очень красиво, – вздохнул маленький лорд, – но было бы гораздо лучше, если бы дорогая была со мной. Мы всегда утром вместе завтракали, и я клал сахар и наливал сливки ей в чай и передавал бутерброд.

– Но ведь вы можете ее видеть каждый день, – утешала Доусон. – Вы сначала погуляйте здесь, посмотрите лошадей и собак, а потом обо всем ей расскажите. Одна лошадка, я знаю, вам очень понравится…

– А тут есть лошади? – спросил мальчик. – Я их очень люблю. Я так любил Джима, он возил тележку мистера Гоббса.

– Погодите! Вы все это потом увидите, а теперь ступайте-ка поглядите на соседнюю комнату!

– А что там такое?

– А вот позавтракайте прежде и увидите, – отвечала таинственно Доусон.

Это подстрекнуло любопытство Седрика, он поспешил покончить с завтраком, соскочил со стула и сказал:

– Я сыт, можно мне пойти в другую комнату?

Доусон молча кивнула и отворила дверь. Заглянув в комнату, мальчик застыл от восторга на пороге и не мог вымолвить ни слова. Комната была такая же большая, как и другие, но мебель не такая тяжелая, занавески и ковры светлые, на стенах полки с книгами, а на столах всевозможные игрушки,

Седрик такие видел только в витринах игрушечных магазинов в Нью-Йорке.

– Эта комната, кажется, для мальчика, – проговорил он наконец, задыхаясь от волнения. – Чьи же это игрушки?

– Все ваши, подойдите посмотрите.

– Мои?! – воскликнул он. – Но как же? Кто их дал мне? – И он бросился вперед. – Дедушка! Я знаю, это дедушка подарил их мне! – закричал он в восторге.

– Да, это подарок милорда, – сказала Доусон, – и если вы будете пай-мальчик, то он вам даст все, что ни попросите.

Седрик принялся рассматривать игрушки и беспрестанно твердил, что другого такого доброго дедушки, как у него, не может быть на свете.

Няня неуверенно улыбнулась и промолчала. Она только недавно поступила в услужение в замок, но успела уже наслушаться от остальной прислуги, до чего же тяжелый нрав у старого графа. Лакей Томас своими ушами слышал, какое приказание он отдавал Хэвишему насчет Седрика:

– Дайте ему полную волю, заставьте его комнаты игрушками – пусть забавляется, чем хочет. Он скоро забудет мать. Все дети такие!..

Однако старик ошибся: мальчик оказался совсем не таким, каким его ожидал увидеть граф. Милорд плохо провел ночь и все утро не выходил из комнаты. После полудня он послал за внуком. Седрик сейчас же прибежал; дед издали слышал, как ребенок вприпрыжку спускался с лестницы; в биб-

лиотеку он вбежал раскрасневшийся и оживленный.

– Я ждал, когда вы позовете меня, – сказал Седрик деду. – Я давно готов. Очень благодарен вам за все, что вы мне подарили! Я все утро играл.

– Что же, нравятся тебе игрушки?

– Очень! Даже не могу сказать, до чего они мне нравятся! – Лицо мальчика так и сияло. – Там есть одна игра, вроде бейсбола, но только настольного, я старался научить Доусон, но у нее не получилось – она же никогда в эту игру не играла, а я наверное плохо объяснил правила. А вы, дедушка, умеете играть в бейсбол?

– Боюсь, что нет, – отвечал граф. – Это американская игра, не так ли? Что-то вроде крикета?

– Я никогда не играл в крикет, но мистер Гоббс водил меня смотреть, как играют в бейсбол. Это такая захватывающая игра! Может быть, принести ее? Вдруг вам понравится, и вы забудете про свою ногу. Очень она сегодня болит?

– Больше, чем я бы желал…

– Тогда, пожалуй, это вас не отвлечет, как вы думаете? Но если хотите, я вам покажу, как играют.

– Ступай, принеси игру, – сказал граф.

Это было нечто совершенно новое для старика – играть с ребенком, но именно эта новизна развлекала его. Он усмехнулся, когда Седрик вернулся с ящиком.

– Можно придвинуть столик поближе к вам? – спросил мальчик.

– Позвони Томасу, он придвинет стол…

– Зачем? Стол не такой тяжелый, я сам могу его придвинуть.

– Хорошо, – ответил граф и с улыбкой стал следить за движениями внука, готовившегося к игре с живейшим вниманием. Он придвинул стол, открыл ящик и начал расставлять фишки.

– Это очень интересно. Черные могут быть ваши, белые – мои. – И Седрик с воодушевлением принялся объяснять правила деду.

Они начали играть. Седрик был вполне поглощен игрой, он объяснял графу каждый ход, а того чрезвычайно забавлял маленький учитель. Если бы неделю назад милорду сказали, что он, забывая подагру и дурное расположение духа, будет играть с ребенком, – он ни за что не поверил бы. Но на самом деле он так увлекся, что не заметил, как отворилась дверь и Томас доложил, что пришел мистер Мордэн – священник местного прихода.

Картина, представшая перед глазами гостя, привела его в такое изумление, что он попятился назад и чуть не сшиб с ног Томаса.

Мистер Мордэн ужасно не любил обращаться к знатному хозяину замка с просьбами. Старый граф терпеть не мог разговоров о нуждах церкви и о бедности арендаторов, за которых его преподобие стоял горой и постоянно ограждал их от жестокого землевладельца. Если в день прихода священни-

ка граф сильно страдал от подагры, он прямо заявлял, что ни о чем знать не хочет; когда же ему было лучше, он давал иногда денег на бедных, но при этом умудрялся наговорить кучу грубостей и ругательски ругал весь приход. За все годы, что мистер Мордэн был священником в Доринкорте, он не помнил, чтобы граф по собственной воле хотя бы раз помог несчастным или сказал бы хоть одному человеку доброе слово.

В этот день священник пришел по экстренному случаю и входил в библиотеку со страхом и трепетом, зная, что благородный лорд уже несколько дней сильно страдает от подагры, и слухи о его ужасном настроении доходили через прислугу в мелочную лавку, а оттуда разносились по всему поместью.

Была еще причина, которая увеличивала робость священника. Все слышали, в какое бешенство пришел старый граф при известии о женитьбе младшего сына на американке. Жестокое его обращение с покойным капитаном, которого все фермеры и прислуга в замке любили, нескрываемая ненависть старика к скромной невестке и твердое намерение никогда не признавать своего единственного внука потому только, что его мать американка, – все это было известно всей округе. В Доринкорте не умолкали толки о том, что гордый граф, потеряв двух сыновей, вынужден был наконец вызвать из Нью-Йорка маленького своего наследника, которого заранее считал невоспитанным, грубым янки, кто не принесет чести его знатному роду. «Поделом ему, старому коршу-

ну, – рассуждали между собой лакеи, конюхи, садовники и женская прислуга. – Чего можно ожидать от мальчика, воспитанного в бедности, в Америке?»

Когда его преподобие подходил к замку, он вспомнил, что малолетний наследник приехал накануне. Девять шансов против одного, что опасения графа оправдались и что он теперь в припадке гнева готов сорвать зло на первом попавшемся. Каково же было его удивление, когда Томас распахнул дверь и он услыхал веселый смех ребенка.

Граф сидел в своем кресле, больная нога покоилась на стуле. На низеньком столике перед ним лежала доска с какой-то новой игрой, а мальчик с веселым, оживленным лицом стоял, прислонившись к здоровой ноге старика, и, смеясь, кричал:

– Все! Теперь вы проиграли, дедушка!

В эту минуту играющие услыхали, что кто-то вошел.

Граф оглянулся и нахмурился, но мистер Мордэн заметил, что при этом его взгляд не был так суров, как обыкновенно, и что он как будто забыл рассердиться.

– А, это вы! – сказал он, подавая руку гостю. – Здравствуйте, Мордэн. Видите, у меня новое занятие.

Другую руку он положил на плечо Седрика и выдвинул его немного вперед; с чувством вполне удовлетворенной гордости старый граф знакомил священника со своим наследником.

– Вот новый лорд Фаунтлерой, – сказал он. – Фаунтлерой!

Это наш приходской священник мистер Мордэн.

Маленький лорд взглянул на гостя и подал ему руку.

– Очень рад познакомиться с вами, сэр, – сказал он, вспомнив слова мистера Гоббса, которые тот говорил, если ему случалось приветствовать нового покупателя.

Мистер Мордэн пожал его маленькую руку и на мгновение задержал ее в своей, улыбаясь глядя на мальчика. Седрик ему понравился с первого взгляда. Священника, как и всех остальных, поразила не столько внешняя привлекательность ребенка, сколько его простое обращение. Те немногие слова, которыми мальчик приветствовал гостя, дышали искренностью. Священник даже забыл про старого графа.

– Я счастлив познакомиться с вами, лорд Фаунтлерой, – почтительно произнес он. – Далекий же путь вы совершили, чтобы к нам приехать. Мы все радуемся, что вы благополучно окончили путешествие.

– Да, мы очень долго плыли, – отвечал маленький лорд, – но моя мама была со мной, и мне было не скучно. И пароход к тому же был великолепный.

– Садитесь, Мордэн, – сказал граф.

Мордэн сел и перевел взгляд на старика.

– От всей души поздравляю вас, милорд, с дорогим гостем, – сказал он.

Но граф не желал высказывать своих чувств и сухо произнес:

– Он похож на отца, будем надеяться, что он принесет мне

больше утешения. – И добавил: – Ну, Мордэн, что скажете? Кто опять в нужде?

Священник ожидал чего-нибудь худшего, тем не менее он все-таки довольно неуверенно начал:

– Хиггинс, милорд. Ему что-то не повезло: осенью он был тяжело болен, и дети лежали в скарлатине. Не могу сказать, чтобы он был отличный хозяин, но человек он трудолюбивый – ему просто не везет. За ним числится большая недоимка, Ньюик заявил, что если он не заплатит долга, то лишится фермы, а это было бы большое несчастье для семьи. Жена его с горя заболела… Он вчера приходил ко мне с просьбой побывать у вас, милорд, и попросить отсрочки. Он надеется, что вы дадите ему время встать на ноги.

– Они всегда надеются, – мрачно заметил граф.

Седрик подвинулся вперед. Он стоял между дедом и гостем и внимательно слушал. Он очень сочувствовал Хиггинсу, поэтому во все глаза смотрел на священника и жадно следил за его словами.

–: Хиггинс – хороший человек, – продолжал мистер Мордэн.

– И очень плохой арендатор, – возразил граф. – Ньюик говорит, за ним всегда недоимки…

– Он в страшном горе, – продолжал священник. – Если вы отнимете у него ферму, ему нечем будет прокормить жену и детей. Двое из них еще не оправились после скарлатины, доктор прописал им вина и разные дорогие лекарства, а их

не на что купить…

Маленький лорд подвинулся еще ближе.

– Так было у нас и с Майклом, – заметил он.

Граф слегка вздрогнул.

– Я про тебя и забыл! Забыл, что тут в комнате филантроп… А кто такой Майкл? – прибавил он мягче.

– Муж Бриджит. Он болел и не мог ни заплатить хозяину, ни купить вина и лекарства. Вы мне дали денег для него.

Граф сдвинул брови, но не сердито, и взглянул на мистера Мордэна.

– Хорошенький выйдет из него землевладелец! – воскликнул он. – Я сказал Хэвишему, что ребенок должен иметь все, что захочет. А он, оказывается, захотел денег, чтобы раздавать их нищим.

– О, нет! Это не нищие, – живо возразил маленький лорд. – Майкл отличный каменщик. И они все работали.

– Не нищие! Хороши твои друзья, нечего сказать: каменщик, торговка, уличный чистильщик сапог!

Говоря это, граф пристально смотрел на мальчика, и новая мысль пришла ему в голову.

– Иди-ка сюда, – сказал он внуку.

Маленький лорд подошел и встал как можно ближе к деду, не задевая его больной ноги.

– Что бы ты в этом случае сделал? – спросил его дед.

Священник был взволнован: будучи человеком проницательным и зная уже много лет имение Доринкорт, богатых и

бедных, честных и трудолюбивых, нечестных и ленивых его жителей, он понимал, какой богатый источник добра и зла таился в душе этого ребенка, которого старый граф мог вконец испортить, давая ему уже теперь власть исполнять каждую свою прихоть.

– Ну, что же ты сделал бы? – настаивал дед.

Маленький лорд доверчиво, как хорошему другу, положил руку на колено старику и сказал:

– Если б я был очень богат и был бы старше, я оставил бы ферму за Хиггинсом и дал бы его детям все, что им нужно. Но ведь я только маленький мальчик. – Он подумал немного, лицо его просияло, и он воскликнул: – Ведь вы, дедушка, можете это сделать, не правда ли?

– Хм! – промычал граф. – Ты думаешь?

– Я думаю, что вы можете всякому дать, что хотите. Кто такой Ньюик?

– Мой управляющий, – отвечал граф. – Некоторые из моих арендаторов его очень не любят.

– Вы собираетесь писать ему? – спросил мальчик. – Принести вам перо и чернила? Я сниму игру со стола.

Он ни минуты не сомневался, что граф запретит Ньюику обижать бедняка.

– Ты умеешь писать? – спросил граф.

– Умею, но не очень хорошо.

– Сними все со стола и принеси перо, чернила и лист бумаги из моего бюро.

Маленький лорд быстро исполнил приказание, и через несколько минут бумага, большая чернильница и перо были на столике.

– Готово! – весело сказал мальчик. – Теперь можете писать.

– Писать будешь ты сам, – отвечал граф.

– Я?! – воскликнул, краснея, маленький лорд. – Сумею ли я написать как следует? Я очень неправильно пишу, если нет словаря и никто не подсказывает.

– Пиши как знаешь, – отвечал граф. – Хиггинс не обидится, если будут ошибки. Я не филантроп, как ты. Обмакни перо в чернила.

Маленький лорд уселся за стол и приготовился.

– Что же писать?

– Можешь написать, чтобы Хиггинса оставили пока в покое, и подпишись: «Фаунтлерой».

Маленький лорд стал медленно и серьезно выводить буквы на бумаге. Он вложил всю душу в это занятие. Окончив письмо, он с некоторым беспокойством подал его деду.

– Как вы думаете, хорошо? – спросил он.

Граф посмотрел письмо, слегка улыбнулся и заметил:

– Хиггинс найдет, что вполне удовлетворительно, – и подал письмо священнику.

Вот что прочел мистер Мордэн:

«Дорогой мистер Ньюик, оставьте, пожалуйста, пока

Хиггинса в покое, чем обяжете меня.

Остаюсь с истинным почтением Фаунтлерой».

– Мистер Гоббс всегда так подписывал свои письма, – пояснил маленький лорд, – и я только решил, что лучше прибавить «пожалуйста», так вежливее. Правильно я написал?

– Не совсем, – ответил граф. – В словаре многие слова пишутся иначе.

– Я этого-то и боялся, – сказал мальчик. – Мне следовало бы спросить. Когда в слове больше двух слогов, я всегда ошибаюсь. Дайте я перепишу.

И он стал переписывать письмо очень тщательно, спрашивая у графа, как писать почти каждое слово.

– Правописание – очень трудная вещь. Часто оказывается, что слово пишется совсем не так, как я думал. Иногда даже пропадает всякая охота писать.

Когда мистер Мордэн уходил, он взял письмо с собой. Священник вынес из этого свидания самое приятное впечатление – чувство, которое он никогда не испытывал раньше, покидая замок.

Маленький лорд проводил гостя до дверей и воротился к деду.

– Могу я теперь идти к маме? – спросил он. – Она ждет меня.

– Для тебя кое-что есть в конюшне. Посмотри сначала, – сказал дед. – Позвони.

– Я вам очень благодарен, – проговорил, краснея, маль-

чик, – Но я лучше завтра посмотрю. Дорогая будет меня ждать.

– Хорошо, – согласился граф. – Я велю заложить карету. – И затем сухо прибавил: – Я хотел показать тебе пони.

– Пони? – У мальчика перехватило дыхание. – Чей пони?

– Твой…

– Мой?.. Мой?.. Как все игрушки наверху?

– Да, – отвечал дед. – Хочешь его посмотреть? Велеть его привести?

– Я никогда не думал, что у меня будет пони! Никогда! Как дорогая будет довольна! Вы мне так много дарите!

– Что ж, хочешь видеть лошадку? – спросил граф.

Маленький лорд вздохнул:

– Очень хочется, но теперь некогда…

– Ты обязательно должен съездить к матери сегодня! Разве нельзя отложить?

– Нет, – отвечал мальчик, – она ждет меня все утро, и я все утро о ней думал.

– Хм! – промычал граф. – Ну хорошо, позвони!

Старик поехал вместе с внуком и, проезжая под сенью больших деревьев главной аллеи, все время молчал. Зато Седрик не умолкал и расспрашивал деда про пони: какой он масти, как его зовут, сколько ему лет, какого он роста, что больше всего любит есть и когда он сможет его увидеть на следующий день.

– О, дорогая будет так рада! – говорил он. – Она вам будет

очень благодарна за то, что вы так добры ко мне. Она знает, что я очень люблю пони, но мы с ней не думали, чтобы я когда-нибудь мог иметь собственную лошадку. У одного мальчика с Пятой авеню была своя лошадка, он каждое утро ездил на ней верхом, а мы проходили мимо его дома, чтобы посмотреть, как он катается.

Седрик откинулся на сиденье и несколько минут смотрел с восторгом на деда.

– Я думаю, – сказал он наконец, – что вы самый лучший человек во всем мире! Вы все время делаете добро и думаете о других. Дорогая говорит, что это настоящая доброта, когда не думаешь о себе, а всегда о других. Вы именно так поступаете, не правда ли?

Граф был так поражен этой характеристикой своей личности, что не знал, что сказать, так ему было странно, что ребенок каждое его эгоистическое намерение приписывает великодушию.

– Скольких людей вы осчастливили! – продолжал Седрик. – Майкла и Бриджит с их детьми, торговку и Дика, Хиггинса, его жену и детей, и мистера Гоббса, и мистера Мордэна, потому что, конечно, он был очень рад, что вы исполнили его просьбу. А дорогую и меня как вы обрадовали, подарив мне пони и еще столько всего! Я считал по пальцам и насчитал двадцать семь человек! Вы сделали счастливыми двадцать семь человек!

– И это я всех осчастливил? Я? – спросил граф.

– Конечно, вы! Знаете, люди иногда очень ошибаются насчет графов, когда их близко не знают. Вот, например, мистер Гоббс. Я напишу ему письмо и скажу об этом.

– И что же он говорил о графах?

– Дело в том, что он ни одного графа лично не знал, а только читал о них в книгах. Он думал – вы не обижайтесь! – что они все страшные деспоты, и говорил, что не пустил бы графа на порог своей лавки. Но если бы он вас знал, я уверен, он был бы другого мнения. Я ему напишу про вас…

– Что ты ему напишешь?

– Напишу, – сказал мальчик, все больше оживляясь, – что вы самый добрый человек в мире, что вы всегда заботитесь о других, что вы всех делаете счастливыми и что я хочу, когда вырасту, быть похожим на вас.

– На меня, – повторил граф, и краска стыда покрыла морщинистое лицо старика. Он отвернулся и стал смотреть в окно.

– Да, на вас, – повторил маленький лорд, – если только смогу. Но я буду стараться…

Карета катилась по длинной аллее, выезжая из зеленой тени на участки, залитые золотым солнечным светом. Седрик вновь увидел синие колокольчики и высокие папоротники, колеблемые ветром, оленей, провожающих глазами карету, и удирающих кроликов, он слышал хлопанье крыльев и пересвист птиц, и все это ему показалось еще прекраснее, чем накануне. Его сердце было переполнено радостью и счастьем.

Старик же граф, хотя тоже смотрел в окно, но видел совсем другое. Перед ним быстро пронеслась вся его долгая жизнь, в которой не было ни благородных дел, ни добрых намерений. Он растратил свою молодость, и силу, и здоровье на развлечения, убивал время в праздности. Подошла старость, и вот он одинок, без друзей, без родных. Все его боятся или ненавидят, никому нет дела до того, жив он еще или уже умер.

До сих пор злой, тщеславный, самолюбивый старик ни разу не оглянулся на безотрадную свою жизнь. До этой минуты граф не давал себе труда задуматься, какого мнения о нем другие. И только наивная вера ребенка в то, что он лучше, чем есть на самом деле, пробудила в нем совесть. Желание внука быть похожим на него показалось ему до того невероятным, что он невольно спросил себя: «Да тот ли я человек, с кого следует брать пример?»

Маленький лорд, видя, что дед нахмурился и молча смотрит в окно, думал, что у графа болит нога, и замолчал, чтобы не беспокоить его.

Они миновали ворота, проехали еще немного и остановились. Карета привезла их в Корт-Лодж. Седрик выпрыгнул на землю, как только лакей отворил дверцу.

Граф очнулся от невеселых размышлений.

– Неужели уже приехали? – спросил он.

– Да, – отвечал Седрик, – дайте мне вашу палку и облокотитесь на меня: я помогу вам выйти.

– Я не собираюсь выходить, – отрывисто проговорил граф.

– Как?.. Вы не хотите увидеть мою маму? – удивленно воскликнул маленький лорд.

– Она извинит меня, – сухо продолжал граф. – Скажи ей, что тебе так хотелось к ней, что даже пони не мог тебя остановить…

– Ей будет очень жаль, – отвечал мальчик, – она очень хочет вас видеть.

– Не думаю. Я пришлю за тобой карету. Пошел! – крикнул граф кучеру.

Томас захлопнул дверцу. Маленький лорд постоял с минуту в изумлении, потом опрометью бросился через двор к дому. Карета медленно отъезжала; граф высунулся из окна и смотрел на быстро бегущего мальчика и на дом между деревьями. Дверь там была широко раскрыта; мальчик вбежал по ступеням – молодая женщина в трауре бросилась к нему навстречу; он кинулся ей в объятия, повис на шее и покрыл поцелуями молодое красивое лицо.

7. В церкви

В следующее воскресенье почти все местные жители собрались в церкви. Его преподобие не помнил, чтобы когда-нибудь церковь была так полна: пришли даже те, кто крайне редко удостаивал своим присутствием его проповеди. Пришли даже из чужого прихода. Здесь были фермеры – крепкие загорелые парни с полудюжиной ребятишек и румяными толстушками женами, надевшими лучшие свои шляпки и цветастые платки; доктор с женой и четырьмя дочерьми, аптекарь, портниха и ее приятельница модистка – словом, вся округа.

В последнее время рассказывали множество историй о странной судьбе маленького лорда Фаунтлероя. Хозяйка мелочной лавочки знала мельчайшие подробности про него. Любопытные приходили в лавочку будто купить что-нибудь на копейку, но, по правде сказать, только для того, чтобы послушать про маленького лорда. Хозяйка знала, как обставлены его комнаты, какие дорогие игрушки ему купили, какого пони с маленьким кабриолетом и маленьким грумом для него приготовили. Она знала, что лакеи говорили про ребенка по приезде его вечером и как женская прислуга была возмущена тем, что молодую мать разлучили с сыном. Она рассказывала, в каком трепете были лакеи, когда граф приказал, чтобы мальчик вошел один к нему в библиотеку. «Неиз-

вестно, – говорили они, – что вздумается графу, от него ведь всегда можно ожидать самого худшего». «И что бы вы думали? – продолжала хозяйка. – Ребенок-то ведь ничего не боится, заговорил с дедом, как будто век его знал. И граф так был удивлен, что слушал мальчика молча и все глядел на него из-под своих нависших бровей. Но Томас думает, что в душе он остался доволен – потому что трудно найти более красивого паренька, а говорит он как взрослый».

А потом случилась эта история с Хиггинсом. Его преподобие рассказывал у себя дома, горничная слышала и передала в кухне, а оттуда слух распространился по всей деревне. Когда Хиггинс появился на рынке, его окружили и засыпали вопросами; расспрашивали и управляющего, и тот даже показывал некоторым письмо, подписанное: «Фаунтлерой».

Вот почему все население, от мала до велика, отправилось в церковь – в надежде увидеть будущего владельца богатого имения.

Старый граф обыкновенно не ездил в церковь, но в этот раз решил отправиться, чтобы показаться с маленьким лордом на отгороженной семейной скамье в церкви.

Много было любопытных по дороге в церковь, за оградой и на паперти; все друг друга спрашивали: будет ли старый граф. В это время одна старушка вдруг вскрикнула: «Смотрите, это, верно, молоденькая мать маленького лорда!» Все обернулись и увидели стройную молодую женщину в трауре, идущую по тропинке. Она шла, откинув вуаль, все могли

видеть ее прелестное лицо и вьющиеся светлые волосы. Она не обращала внимания на толпу, думала о сыне, о том, как он, сидя очень прямо и гордо верхом на пони, подъехал к ее дверям и как он был счастлив, что у него есть теперь лошадка. Но она не могла не заметить вскоре, что все смотрят на нее. Старуха, первая увидавшая молодую женщину, присела перед ней, за ней другая со словами: «Да благословит вас Господь!» Мужчины один за другим сняли шапки. Миссис Эррол поняла, что в ней приветствуют мать маленького лорда, и смутилась. Она поклонилась и, улыбаясь, сказала: «Благодарю вас». Ей, всю жизнь прожившей в шумном и людном американском городе, было непривычно, что незнакомые люди с таким почтением приветствуют ее. Сначала это ее поразило, но потом глубоко тронуло.

Она только что успела войти в церковь, как ожидаемая из замка карета, запряженная красивыми лошадьми, с богатой упряжью и высоким ливрейным лакеем показалась на повороте.

– Едут! Едут! – пробежало по толпе.

Карета подкатила к паперти. Томас спрыгнул с запяток и отворил дверцу. Маленький мальчик в черной бархатной куртке выскочил из кареты. Все глаза с любопытством смотрели на него.

– Вылитый отец! – говорили те, кто помнил капитана. – Точно сам капитан воскрес!

Мальчик стоял около кареты, поджидая деда. Как только

граф вышел с помощью Томаса, маленький лорд подал ему руку и подставил плечо, как большой. Всем стало ясно, что, хотя граф другим внушал непреодолимый страх, маленький лорд не только его не боялся, но обращался к нему с любовью.

– Обопритесь на меня хорошенько, – говорил мальчик. – Смотрите, как все рады вас видеть, как все вас знают!

– Сними шапку, Фаунтлерой, – сказал граф. – Тебе кланяются.

– Мне? – воскликнул удивленный мальчик, поспешно снимая шапку и пытаясь поклониться всем сразу.

– Да благословит вас Господь! – сказала ему та же старуха, которая приветствовала его мать. – Храни вас Бог!

– Благодарю вас, мэм, – вежливо отвечал маленький лорд.

Он прошел с дедом через всю церковь до клироса, где было отгорожено место с красной занавесью и скамьей, обитой бархатом, для семьи Доринкорт. Седрик начал осматриваться и очень обрадовался, увидя на другом конце церкви мать, которая издали улыбнулась ему. Потом его внимание привлекло странное изваяние на стене рядом со скамьей – две коленопреклоненные фигуры в старинных одеждах, грубо высеченные из камня, поддерживали два молитвенника, также из камня. Внизу на дощечке была вырезана надпись, из которой он смог прочесть только то, что «здесь покоятся тела Григория-Артура, первого графа Доринкорта, и жены его Алоизы Хильдегард».

– Могу ли я спросить вас? – сказал шепотом маленький лорд, сгорая от любопытства.

– О чем?

– Кто здесь похоронен?

– Твои предки; они жили несколько сот лет тому назад.

– Я пишу точно так же неправильно[7], как они, – заметил маленький лорд, глядя на изваяние.

Он стал перелистывать молитвенник, чтобы можно было следить за службой. Когда заиграл орган, он встал, посмотрел на мать и улыбнулся ей. Он любил музыку и часто пел с нею вместе. Теперь он присоединил свой чистый, звонкий детский голосок к пению прихожан и совершенно погрузился в это занятие. Граф задумался, глядя на внука, и не спускал с него глаз.

Седрик держал в руках большой открытый молитвенник, и, пока он пел, яркий луч солнца падал сверху на его поднятую головку, золотя кудри. Мать глядела издали на мальчика; сердце ее дрогнуло, и она стала горячо молиться за сына: просила Бога надолго сохранить чистоту его души, молила, чтобы странная перемена, выпавшая на его долю, не принесла ему зла. Ее нежное сердце было полно опасений и страха. Почему? Она сама не знала.

Накануне Седрик был у нее в гостях; прощаясь и обнимая его, она сказала:

---

[7] Надпись была сделана на староанглийском языке, отличающемся от современного Седрику языка, поэтому мальчик посчитал ее неграмотной.

– О Седди! Как бы я хотела быть умнее и образованнее, чтобы многому тебя научить! Только будь добр и тверд, мой милый, только будь всегда правдив – и ты никому ничего дурного не сделаешь, и, может быть, многие будут благословлять судьбу, что мой маленький мальчик родился! Это великое счастье, Седди, если человек может принести хотя бы немного пользы окружающим его людям, – да, хоть немного пользы, мой милый!

Возвратясь в замок, маленький лорд передал эти слова деду.

– Я подумал о вас, дедушка, и сказал маме, сколько пользы вы приносите другим и что я постараюсь быть похожим на вас.

– Что она тебе на это отвечала? – спросил встревоженный старик.

– Она сказала, что я прав: что надо всегда искать хорошее в каждом человеке и подражать хорошему.

Быть может, именно эти слова вспомнил старик, сидя на церковной скамье за красною занавесью. Он несколько раз взглядывал через толпу на невестку, так горячо любимую его покойным сыном, на эти темные глаза, похожие на глаза мальчика, стоящего около него… Трудно было угадать, какие думы волновали в это утро сердце черствого старика.

При выходе из церкви прихожане столпились на дворе в ожидании графа и его внука. Кто-то с шапкой в руке робко подошел к ним, когда они вышли: это был фермер средних

лет с изнуренным лицом.

– А-а! Хиггинс! – сказал граф.

Маленький лорд быстро поднял голову.

– О! – воскликнул он. – Так это мистер Хиггинс?

– Да, – сухо отвечал граф. – Он, вероятно, пришел посмотреть на своего нового землевладельца.

– Да, милорд, – сказал фермер, и его лицо покраснело. – Управляющий сказал мне, что молодой лорд заступился за меня. Если вы позволите, я желал бы поблагодарить его… Я вам очень, очень благодарен, милорд, – начал было Хиггинс, обращаясь к Седрику.

– Ах, что вы! – воскликнул тот. – Ведь я, собственно говоря, только написал письмо. Помог вам дедушка. Вы знаете, какой он добрый! Ну, как здоровье миссис Хиггинс?

– Я… она… – отвечал, запинаясь, фермер, – жене гораздо лучше. Она от горя слегла, а теперь успокоилась, и ей лучше.

– Очень рад, – сказал маленький лорд. – Дедушке было очень жаль ваших детей и мне тоже. У дедушки у самого были дети, а я сын его сына.

Хиггинс был совершенно сбит с толку и со страху не смел даже взглянуть на графа: всем известно, что его отцовские чувства были таковы, что он видел своих сыновей раза два в год, а когда дети заболевали, он сейчас же уезжал в Лондон, чтобы доктора и няньки ему не надоедали.

И старому графу, в свою очередь, странно было слышать, что он интересовался болезнью детей его арендатора!

– Видите, Хиггинс, – заметил он с горькой усмешкой, – вы все во мне ошибались! Один Фаунтлерой меня понял. Когда вы захотите узнать что-нибудь хорошее обо мне, обратитесь к моему внуку. Едем, Фаунтлерой!

Мальчик прыгнул в карету, и она покатилась опять по дороге; и до самого поворота к замку граф все время улыбался странною улыбкой.

8. Урок верховой езды

Дни проходили, и лорду Доринкорту часто приходилось улыбаться этой странной улыбкой. Чем больше он сближался со своим внуком, тем приветливее делалась эта улыбка. До приезда маленького лорда старый граф стал тяготиться одиночеством, болезнью и своими семьюдесятью годами. После многих лет, посвященных единственно буйным удовольствиям, было не очень-то приятно сидеть одному с больной ногой, протянутой на скамейке, и не иметь другого занятия, как сердиться и кричать на испуганного лакея. Старый граф был слишком умен, чтобы не видеть, что слуги терпеть его не могут и что гости, которые изредка у него бывали, никакого расположения к нему не чувствовали: некоторых только забавляли его язвительные замечания, не щадившие никого. Пока граф был здоров и силен, он ездил с места на место ради развлечения, но, когда здоровье надломилось и все ему надоело, он заперся в Доринкорте со своей подагрой и не имел другого общества, кроме книг и газет. Но нельзя же весь день читать – и часто скука его одолевала; дни и ночи казались бесконечными; граф сделался еще аздражительнее и грубее.

И вдруг явился маленький внук, и, к счастью ребенка, дед тотчас же понял, что может гордиться им. Очень может быть, что не будь Седрик такой красавец, старый граф, пожалуй,

невзлюбил бы его, несмотря на душевные качества. Он решил, что мальчик красив и бесстрашен оттого, что в нем течет кровь Доринкортов и что он будет гордостью семьи. Когда граф услыхал рассказы мальчика, увидел, как он хорошо воспитан, несмотря на полное непонимание своего нового высокого положения, – он его горячо полюбил и начал заниматься ребенком. Для личной забавы старик разрешил Седрику осчастливить бедного Хиггинса. Сам граф был к нему совершенно равнодушен, но ему хотелось, чтобы народ заговорил о его внуке и чтобы мальчика сразу полюбили. Ему доставляло удовольствие везти Седрика в церковь и видеть возбуждение толпы при его появлении. Он знал, что будет много толков о красоте Седрика, о его благородной осанке и что про него скажут: «Настоящий лорд!» Граф Доринкорт был надменный старик, он гордился своим титулом, своим положением и тем, что последний потомок его дома был вполне достоин своего знатного рода.

В то утро, когда Седрик впервые сел на пони, граф был так доволен, что почти забыл про подагру. Он сел у окна библиотеки и смотрел на первый урок верховой езды своего внука. Старик ожидал, что Седрик немного струсит, как почти все дети, но Фаунтлерой был только в сильном возбуждении, ведь он никогда еще не ездил на лошади. Конюх водил пони под уздцы взад и вперед по двору, мимо окон библиотеки. Но этого было недостаточно мальчику.

– Дедушка! – крикнул он. – Не могу ли я ехать один и

пошибче? Можно пустить лошадку рысью?

– А ты уверен, что усидишь? – спросил граф.

– Мне хочется попробовать.

Граф сделал знак конюху. Тот снова сел на свою лошадь и взял пони на длинный повод,

– Ну, теперь рысью! – скомандовал граф.

Это было немалое испытание для маленького наездника: ехать рысью было не так легко, как шагом.

– Ме-ня о-чень тря-сет, – сказал Седрик конюху, – а вас тря-тря-сет?

– Нет, милорд, со временем и вы привыкнете. Приподнимитесь в стременах.

– Я все время при-поднима-юсь.

Он подпрыгивал в седле очень неловко; лицо раскраснелось, дыхание прерывалось, но он держался изо всех сил и сидел прямо, насколько мог. Граф продолжал глядеть на него из окошка. Наездники исчезли за деревьями, а когда через несколько минут вернулись, Фаунтлерой был без шляпы, щеки горели, как маков цвет, губы были сжаты, но он не переставал ехать рысью.

– Стой! – крикнул дед. – Где твоя шляпа?

Конюх приподнял свою и весело отвечал:

– Шляпа упала, ваша светлость, но лорд не позволил остановиться, чтобы поднять ее.

– Струсил? – сухо спросил граф.

– О нет, милорд! – воскликнул конюх. – Он и не знает,

что такое страх. Я многих учил верховой езде, но ни одного такого не вцдел.

– Устал? – спросил граф внука. – Хочешь сойти?

– Трясет гораздо больше, чем я ожидал, – откровенно отвечал мальчик, – и я немного устал. Но сойти мне не хочется. Хочу выучиться ездить как следует. Отдышусь чуть-чуть и поеду за шляпой.

Если бы какой-нибудь умный человек решил подсказать Седрику, чем порадовать деда, он ничего лучше придумать бы не сумел. Когда мальчик опять рысью поехал за шляпой, бледное суровое лицо старика покрылось легкой краской, глаза радостно сверкнули из-под густых бровей – граф сам не ожидал, что ему будет так приятно. Он сидел неподвижно, с нетерпением ожидая возвращения внука и конюха. Вскоре он услышал быстрый топот лошадей; Фаунтлерой был все-таки без шляпы – ее держал конюх; мальчик еще больше разрумянился, волосы развевались по ветру.

– Вот, дедушка! – закричал он, останавливаясь перед окном, – я и галопом скакал! Конечно, у меня получилось не так хорошо, как у того мальчика с Пятой авеню, но все-таки я усидел.

С этого дня Седрик, конюх и пони сделались большими друзьями. Редкий день проходил без того, чтобы сельские жители не видели всех троих весело скачущими по дороге или по лугу. Дети выбегали, чтоб посмотреть на лошадку и ее бравого маленького наездника, который прямо и твердо

сидел в седле. Маленький лорд каждый раз снимал шляпу и здоровался, но не гордо, как подобает лорду, а просто и радушно. Иногда он останавливался и разговаривал с ребятишками. А однажды конюх принес в замок историю, как маленький лорд остановился у сельской школы, сошел с лошади и потребовал, чтобы хромой мальчик поехал домой на пони.

– Он ничего и слышать не хотел, – рассказывал конюх кучерам, – не позволил, чтобы хромой мальчик сел на мою лошадь, потому что она гораздо выше пони и мальчик может с нее упасть. «Он хромой, – говорит, – а я нет, и я с удовольствием пройдусь пешком». Мы так паренька и посадили на пони, а милорд шел около него, посвистывая, руки в карманах, шапка на затылке. Когда мы подошли к его дому, мать выбежала посмотреть, что случилось, а лорд приподнял шляпу и говорит: «Я привез вашего сына, у него нога болит, ему мало опираться на палку. Я попрошу дедушку купить ему костыли». Можете представить ее удивление! А со мной чуть не сделался удар!

Конюх боялся, что граф, узнав об этом, рассердится, но старик только рассмеялся и велел внуку повторить рассказ. Через несколько дней карета графа остановилась перед домиком, где жил хромой, и из нее выпрыгнул Фаунтлерой. В руках у него были новые костыли. Он подал их матери мальчика со словами:

– Дедушка вам кланяется и просит принять костыли для

вашего мальчика. Мы надеемся, что ему лучше.

Садясь опять в карету, он сказал графу:

– Вы, дедушка, не велели кланяться, но я думал, что вы забыли, и прибавил это от себя.

Граф засмеялся и не стал возражать. Дружба между дедом и внуком с каждым днем возрастала. Седрик не сомневался, что его дед лучший человек на свете, и вера в его щедрость и благородство тоже с каждым днем укреплялась. Желания маленького лорда всегда удовлетворялись. Он часто удивлялся подаркам, которые получал. Стоило ему сказать слово, и желание тут же исполняли. Может быть, такое воспитание испортило бы его чистую душу, если бы он не проводил ежедневно в Корт-Лодже несколько часов с матерью. Она следила за его развитием и старалась противодействовать вреду, наносимому мальчику баловством деда. После длинных разговоров с матерью Седрик возвращался всегда в замок немного задумчивый.

Одно поражало и приводило его в недоумение: отчего это дедушка и мать никогда не видались? Когда дед отвозил его в Корт-Лодж, он не выходил из кареты; когда старик изредка посещал церковь, Седрик один подходил к матери, говорил с нею на паперти или провожал ее до дома. И вместе с тем каждый день из замка в Корт-Лодж посылали фрукты или цветы. Больше всего мальчика тронул со стороны деда один поступок. Неделю спустя после того, как миссис Эррол впервые пришла в церковь пешком и возвратилась домой од-

на, Седрик собирался навестить мать. Он вышел на крыльцо и вместо большой кареты увидел маленькую коляску, запряженную прекрасной гнедой лошадью.

– Это подарок для твоей матери, – отрывисто проговорил граф. – Ей нельзя ходить пешком по всей окрестности, ей нужен экипаж. Конюх, который теперь правит, останется в Корт-Лодже, чтобы смотреть за лошадью. Помни, что это подарок от тебя.

Седрик был в восторге и никак не мог прийти в себя, пока не приехал в Корт-Лодж. Он выпрыгнул из коляски и бросился в сад, где его мать собирала розы.

– Дорогая! – кричал он еще издали. – Ты не поверишь! Ведь эта коляска для тебя! Дедушка сказал, что я дарю ее тебе! Она твоя собственная, ты можешь ездить в ней куда хочешь!

Миссис Эррол было неприятно получить подарок от человека, который считал ее своим врагом, но могла ли она огорчить своего мальчика отказом? По его просьбе она села в коляску с розами в руках и поехала кататься с Седриком. Он все время рассказывал ей про любезность и внимание деда. Она иногда улыбалась, слушая его невинные слова, и радовалась, что он видит только хорошее в старике, у которого так мало друзей.

На другой день маленький лорд писал письмо мистеру Гоббсу. Он долго трудился над ним, сперва написал его начерно, потом переписал и принес деду проверить.

– Не знаю, правильно ли я написал, – сказал он. – Если вы найдете ошибки, я опять перепишу.

Конечно, ошибок было много, кроме того, точек, запятых – ни одной. Вот что получилось после исправления:

«Дорогой мистер Гоббс! Пишу, чтобы сказать вам, что дедушка самый лучший граф на свете, и все, что вы слышали про графов – чистый вздор. Он не тиран, не деспот, и я хотел бы, чтобы вы с ним познакомились. Я уверен, что вы станете друзьями. У него подагра, но он терпеливо переносит свои страдания. Я люблю его больше и больше с каждым днем. Он знает все на свете, и обо всем можно с ним говорить, но он никогда не играл в бейсбол. Он подарил мне пони и тележку, а моей маме прекрасную коляску. У меня три комнаты и столько игрушек, что вы удивились бы. Вам бы очень понравился замок, и парк такой большой, что в нем можно заблудиться. Мой дедушка очень богат, но совсем не горд, а вы думали, что все графы горды! Здесь люди очень вежливые и добрые, все мужчины кланяются нам и снимают шляпы, а женщины приседают и говорят иногда: „Да благословит вас Господь!“ Я выучился ездить верхом, меня сначала очень трясло, а теперь ничего. Дедушка оставил ферму одному бедному человеку, который не мог платить ренты, и миссис Меллон отнесла лекарства и одежду его детям. Мне очень жаль, что дорогая не живет в замке, и когда я не скучаю по ней, мне весело. Пишите мне, мне очень хочется вас видеть.

Ваш старый друг Седрик Эррол.

P. S, Под замком нет тюрьмы, и никто там не томится.

P. S. Дедушка такой добрый и хороший граф, что напоминает мне вас».

– Ты очень скучаешь по матери? – спросил граф, когда прочел письмо.

– Очень, – отвечал мальчик, – я все время о ней думаю…

И, подойдя к деду, Седрик положил руку на его колено, поглядел ему прямо в глаза и спросил:

– А вы не скучаете по ней?

– Я с ней не знаком, – отвечал граф довольно резко.

– Знаю, – сказал маленький лорд, – и это-то меня удивляет. Она не разрешила мне расспрашивать вас об этом, и я не стану… но невольно думаю и не пойму. Но я не собираюсь ни о чем спрашивать! Когда мне очень грустно без мамы, я вечером подхожу к окну, там просека между деревьями. Дорогая далеко, но как стемнеет, она ставит свечку на окно, и я вижу издали огонек и понимаю, что это значит.

– Что же это значит? – спросил дед.

– Значит, что она говорит: «Покойной ночи! Хранит тебя Бог!» Она мне всегда говорила так вечером, а утром она говорила: «Да хранит тебя Бог на весь день!» И Бог меня хранил…

– Конечно, я в этом не сомневаюсь, – сухо заметил граф.

Он нахмурился и так долго и пристально смотрел на ма-

ленького лорда, что тот не мог догадаться, о чем думает дед.

9. Поездка на фермы

Однажды утром сельские жители были поражены, увидя маленького лорда не с конюхом, а с другим ездоком на высокой, мощной серой лошади. Это был сам старый граф. Маленький лорд предложил деду прогулку.

– Не поедете ли вы со мной, дедушка? Мне всегда жаль оставлять вас одного в этом большом замке, – сказал он както графу.

Конюхи пришли в смятение, когда велено было оседлать Селима для старого графа. С тех пор почти каждый день седлали Селима, и мало-помалу люди привыкли видеть вместе высокого седого старика на большой серой лошади и маленького лорда на его пони. Они ездили вместе по зеленым лугам и живописным пролескам и сблизились еще больше во время этих прогулок. Седрик болтал без умолку, дед слушал его со вниманием. Иногда он приказывал мальчику скакать вперед и с удовлетворенным тщеславием смотрел, как смело маленький лорд пускал лошадь галопом и возвращался к деду во весь дух, махая шапкой и улыбаясь.

Из разговоров с внуком граф узнал, что его мать ведет деятельную жизнь: все бедные в окрестности знали ее; маленькая коляска не раз стояла возле дома бедняка, где были больные или случалось несчастье.

– Знаете, – рассказывал маленький лорд, – ей все говорят:

«Да благословит вас Господь!» – когда видят ее. Дети очень ее любят. А некоторые приходят к ней домой, и она учит их шить. Она говорит, что чувствует себя такой богатой, что обязана помогать бедным.

Граф был доволен, что мать его наследника – красивая, молодая женщина, с благородной осанкой, не хуже любой герцогини, и ему нравилось до некоторой степени, что ее любят бедняки. Но он ревновал ее к мальчику; ему досадно было, что Седрик так сильно привязан к матери, – ему хотелось занять первое место в его сердце.

В это самое утро граф проехал с внуком на холм, откуда был прекрасный вид на всю окрестность. Он указал вдаль хлыстом и сказал:

– Знаешь ли, Фаунтлерой, что вся эта земля принадлежит мне?

– Неужели? – отвечал мальчик. – Как это много для одного человека!

– А ты знаешь, что со временем все это, и еще гораздо больше, будет принадлежать тебе?

– Мне? – с некоторым испугом воскликнул маленький лорд. – Когда?

– Когда я умру.

– Тогда мне ничего не нужно, – отвечал мальчик. – Я хочу, чтобы вы всегда жили.

– Это мило! Но все-таки когда-нибудь все это будет твоим и ты будешь граф Доринкорт.

Маленький лорд задумался и сидел молча на своем пони, глядя на поля, луга, дома вдоль дороги и на башни замка, которые возвышались за деревней, и вздохнул.

– О чем ты думаешь? – спросил граф.

– Я думаю о том, какой я еще маленький… и о том, что дорогая мне говорила.

– Что?

– Она говорила, что нелегко быть очень богатым, тогда забываешь, что есть много несчастных на свете. Я ей рассказывал, как вы добры, и она мне отвечала, что это очень хорошо, потому что у вас в руках большая власть, и было бы очень горько, если бы такой богатый граф думал только о себе. Я глядел на все эти домики и думал: как я узнаю о нуждах людей, когда буду графом? Скажите, дедушка, как вы это узнаете?

Старый граф заботился только об одном – платят ли аккуратно ренту, а того, кто не платил, тотчас выгонял.

– Управляющий этим занимается, – отвечал он внуку, подергивая нетерпеливо длинные седые усы. – Поедем-ка лучше домой. Когда ты станешь графом, старайся быть лучше меня.

Старик лорд молчал всю дорогу. Он не мог дать себе отчета, каким образом, никогда никого не любя, он вдруг сумел так привязаться к этому маленькому мальчику.

А через неделю маленький лорд, возвратившись от матери, вошел расстроенный и озабоченный в кабинет к деду. Он

сел на высокий стул против камина и задумчиво глядел на пылающий уголь. Граф молча ждал, что он скажет. Было ясно, что у Седрика что-то на уме. Наконец мальчик поднял глаза и спросил:

– Знает ли ваш управляющий о положении всех бедных в поместье?

– Его дело знать, – отвечал граф. – Разве есть упущения?

Как ни странно, но графа больше всего занимало и трогало участие Седрика к судьбе арендаторов. Сам граф ими никогда не интересовался, но ему нравилось, что маленький лорд среди детских игр вдруг задавал такой серьезный вопрос.

– Есть место, – продолжал мальчик, – на конце деревни… ужасное! Дорогая сама его видела: хижины полуразвалившиеся, стоят вплотную друг к другу, в них еле дышать можно. Люди все нищие, много больных лихорадкой, дети умирают. Они такие несчастные! Это еще хуже, чем у Бриджит и Майкла! Крыши текут… Дорогая была у одной бедной женщины, и, когда я приехал, она не позволила мне подойти к себе, пока не переоделась. Она плакала, рассказывая мне про это. – Слезы навернулись на глаза мальчика, но он улыбнулся и прибавил: – Я сказал ей, что вы ничего про это не знаете и что я все расскажу вам. – Седрик спрыгнул со стула, подошел к деду и положил руку ему на колено. – Дедушка, вы можете помочь им, как помогли Хиггинсу. Вы всегда делаете добро. Ньюик, вероятно, забыл сказать вам.

Граф посмотрел на маленькую ручку, лежавшую на его колене. Нет, Ньюик не забыл доложить ему – он несколько раз говорил об отчаянном положении бедняков на краю деревни. Он знал о нищете, о сырости их жилищ, о разбитых окнах, худых крышах, лихорадке и других бедах. Священник тоже красноречиво описывал ему всю эту нищету – и получил в ответ одни ругательства. Граф тогда сильно страдал от подагры и грубо сказал мистеру Мордэну, что чем скорее весь этот нищий люд перемрет и будет похоронен, тем лучше. А теперь, глядя на маленькую ручку, на открытое, честное личико внука, ему вдруг стало совестно.

– Ты, как видно, хочешь из меня сделать строителя образцовых жилищ. Так, что ли? – И он опять потрепал руку ребенка.

– Их надо все срыть до основания, – с оживлением проговорил маленький лорд. – Дорогая так и сказала. Пойдемте сейчас, дедушка, велим разбирать дома. Люди будут счастливы, когда увидят вас. Они поймут, что мы пришли на помощь.

Глаза мальчика горели, как две звезды.

Граф встал.

– Пойдем прежде походим по террасе, – сказал он, усмехаясь, – и обсудим дело.

Они стали ходить взад и вперед по широкой каменной террасе, граф несколько раз усмехался, задумывался, но казался довольным и не снимал руки с плеча своего маленько-

го друга.

10. Внезапная тревога

Посещая бедных в селении Эрлкорт, миссис Эррол открыла много печальных фактов. Селение издали казалось очень живописным, но не так было вблизи. Бедность, невежество и леность царствовали всюду. Она узнала, что Эрлкорт считался самым плохим селением во всей окрестности. Священник говорил ей о своем напрасном усилии помочь его жителям, и она сама в этом убедилась. Управляющие старались нравиться своему властелину и не обращали внимания на нищету и страдания людей. Из года в год все приходило в еще больший упадок.

Ужасно, постыдно было состояние Эрлкорта! Миссис Эррол содрогнулась при виде этой нищеты. Глядя на грязных, заброшенных детей, растущих среди порока и жестокого равнодушия, она невольно вспоминала своего мальчика, окруженного роскошью, живущего, как принц крови, в большом роскошном замке с многочисленной прислугой. Смелая мысль закралась в ее сердце. Она давно заметила, что мальчик горячо полюбился деду и что старик ни в чем ему не отказывает.

– Граф готов исполнить каждое желание Седрика, – сказала она однажды мистеру Мордэну. – Отчего бы нам не использовать это чувство во благо ближнего?

Миссис Эррол подробно описала сыну нищету фермеров,

уверенная, что Седрик передаст деду ее слова, и возлагала на него большие надежды.

Надежды эти осуществились. Более всего повлияло на графа полное доверие к нему мальчика и его непоколебимая вера в благородство и великодушие деда. Ему не хотелось в глазах внука оказаться жестоким и равнодушным к чужому горю.

Мальчик считал его благодетелем народа, цветом дворянства, и это нравилось старику; он хотел поддержать такое лестное мнение и, втайне подтрунивая над собой, послал за главным управляющим, долго обсуждал с ним вопрос и решил выстроить новые дома для фермеров.

– Лорд Фаунтлерой этого требует, – сказал сухо старик граф. – Лорд думает, что этим улучшит поместье. Так и объявите фермерам.

Говоря это, граф взглянул на маленького лорда, который, лежа на ковре, играл с огромной собакой, неразлучным своим товарищем.

Люди, конечно, скоро узнали о предстоящих улучшениях; но тогда только поверили, когда явилась артель рабочих и начала ломать полу развалившиеся лачуги.

Все поняли, что это опять делается по милости маленького лорда. Если бы он только знал, что о нем говорили, как его превозносили и предсказывали ему блестящую будущность! Но мальчик не подозревал ничего. Он жил счастливой, беспечной детской жизнью: шалил в парке, гонялся за кроли-

ками или лежал в траве или на ковре в библиотеке и читал удивительные книги, рассказывая о прочитанном деду, а потом матери; писал длинные письма мистеру Гоббсу и Дику, которые отвечали ему очень оригинально.

Маленький лорд продолжал прогулки верхом с дедом.

Когда они проезжали, народ снимал шапки и оглядывался на него с приветливой улыбкой, но Седрик думал, что эти приветствия относятся к деду, и, гордясь им, говорил:

– Смотрите, дедушка, как вас все любят! Как они рады вас видеть! Надеюсь, что со временем и меня полюбят. Так приятно, когда вас любят!

Когда стали строить новые дома, он вместе с графом беспрестанно ездил в Эрлкорт смотреть на строительство, которое его очень занимало. Он сходил с лошади, знакомился с плотниками, расспрашивал, как что делается, рассказывал им про Америку и, возвращаясь домой, дорогой объяснял деду, как строят дома и кладут печи.

– Мне нравится обо всем знать, – говорил мальчик, – потому что никогда не знаешь, что может случиться в жизни.

После его отъезда рабочие смеялись, передавая друг другу его наивные слова, и с любовью говорили:

– Это редкостный ребенок, в нем нет чванства его породы.

Придя домой, рабочие рассказывали про маленького лорда женам и детям, по всей округе стало известно, что наконец-то нашелся человек, которого полюбил грешный граф, и что его черствое старое сердце согрето этим до сих пор

незнакомым ему чувством.

Но никто все-таки не знал, до какой степени старик со дня на день привязывался к внуку. Он только и думал что о будущем Седрика, мечтал видеть его взрослым, красивым и сильным, всеми уважаемым, всеми любимым. Он часто засматривался на ребенка, когда тот лежал на ковре, листая книгу, и глаза старика искрились радостью.

«Какой способный мальчик!» – думал он.

С посторонними он говорил о Седрике не иначе как с сухой улыбкой. Но мальчик чувствовал, что дед его любит и ему нравится, чтоб Седрик всегда был при нем – в библиотеке, за столом и на прогулке.

– Помните, дедушка, – сказал Седрик однажды, лежа на ковре перед камином, – помните, что я вам сказал в день моего приезда? Я говорил, что мы будем большими друзьями. Трудно быть лучшими друзьями, чем мы с вами!

– Да, мы, кажется, хорошие приятели, – отвечал граф. – Поди-ка сюда!..

Фаунтлерой вскочил и подошел.

– Не хочешь ли ты чего-нибудь? Чего тебе недостает?

Мальчик вопросительно взглянул на деда.

– Только одного… – отвечал он.

– А именно?

Мальчик молчал.

– Да говори же, – повторил старик, – чего тебе не хватает?

– Мамы… – тихо отвечал Седрик.

Граф быстро заморгал.

– Ты ее видишь почти каждый день, – сказал он, – разве этого недостаточно?

– Раньше я ее видел целый день, – отвечал ребенок. – Она меня целовала перед сном, а утром мы всегда были вместе, могли говорить, когда хотели и что хотели…

Дед и внук глядели молча друг другу в глаза. Граф сердито сдвинул брови.

– Ты никогда не забываешь о своей матери?

– Никогда, – отвечал маленький лорд. – И она всегда обо мне думает. Если бы я не жил с вами, я бы вас тоже никогда не забывал и еще больше бы, может, о вас думал.

– Честное слово! Я верю тебе! – сказал граф, внимательно глядя на внука.

И чувство ревности защемило сердце старика, который все сильнее и сильнее любил внука.

Новые заботы вскоре обрушились на старого графа и заставили его забыть, что он когда-то ненавидел жену покойного сына. Все это случилось странным, неожиданным образом.

Накануне окончания работ в Эрлкорте граф созвал гостей на парадный обед. Уже давно в замке не было такого званого пиршества. За несколько дней до этого приехала единственная сестра графа, леди Лорридэйл, с мужем. Это было целое происшествие, так как с тех пор, как леди Лорридэйл вышла замуж тридцать пять лет тому назад, она один только

раз навестила брата в Доринкорте. Это была красивая пожилая женщина с белыми волосами и золотым характером. Она никогда не одобряла поведения брата и, высказав ему однажды свое мнение, перестала совсем ездить в замок.

Она часто слышала очень нелестные отзывы посторонних о графе, слышала, что он плохо обращается с женой, что бедняжка умерла, что граф был равнодушен к своим детям. Ей передавали, как его старшие сыновья срамили имя отца. Двух старших своих племянников, Бевиса и Мориса, старая леди никогда не видела, только младший – Седрик Эррол, проезжая мимо поместья тетки, заехал однажды к ней. Ему было тогда лет восемнадцать. Он ей очень понравился, и она надеялась его часто видеть, но граф, узнав об этом посещении, в минуту гнева запретил сыну бывать у тетки.

Леди Лорридэйл всегда с нежностью о нем вспоминала, и хотя она не одобряла его женитьбы в Америке, однако все-таки осуждала графа за его суровость к младшему сыну. А потом она узнала о смерти всех троих племянников и о том, что единственного наследника Доринкортов, маленького еще мальчика, привезли из Нью-Йорка.

– Его погубят, как погубили всех других, – говорила она своему мужу, – разве вот мать сумеет сберечь…

Но когда ей стало известно, что Седрика разлучили с матерью, она была вне себя от негодования.

– Это ужасно! – говорила она мужу. – Разлучать ребенка с матерью и сделать из него товарища такого человека, как

мой брат! Он или будет жесток к мальчику, или избалует его донельзя, сделает из него изверга. Не написать ли мне брату… как ты думаешь, мой друг?

– Это будет совершенно напрасно, Констанция! – ответил сэр Лорридэйл.

– Конечно, напрасно, я знаю своего брата! Но это меня возмущает.

Леди Лорридэйл передали историю о Хиггинсе, о хромом мальчике и о строительстве новых домов для фермеров. Ей очень захотелось увидеть мальчика. Пока она думала, как это сделать, к великому своему удивлению, она получила от брата приглашение приехать в Доринкорт.

– Невероятно! – воскликнула она. – Я слышала, что в замке происходят чудеса, и я начинаю этому верить. Говорят, что брат обожает внука и глаз с него не спускает, гордится им: он, видно, хочет им похвастать перед нами. – И она приняла приглашение.

Приехав с мужем в замок Доринкорт, леди Лорридэйл, не заходя к брату, прошла прямо в свою комнату, чтобы переодеться. Она сошла только к обеду и, войдя в гостиную, увидела графа перед камином: он стоял гордо и величаво, как всегда, а около него вертелся мальчик в бархатном костюме с большим воротником из дорогих кружев. Ребенок был так хорош собой, что леди Лорридэйл чуть не вскрикнула от удивления.

Она поздоровалась с братом и назвала его по имени, как

не называла уже многие годы.

– Молино, – спросила она, – это твой внук?

– Да, Констанция, – отвечал граф. – Фаунтлерой, это твоя двоюродная бабушка, леди Лорридэйл.

– Здравствуйте, бабушка, – сказал, подойдя к ней, маленький лорд.

Она положила ему руку на плечо, посмотрела в карие глаза и поцеловала.

– Называй меня тетя Констанция. Я очень любила твоего бедного отца, и ты очень на него похож.

– Я всегда рад, тетя Констанция, когда говорят, что я похож на моего папу, – отвечал Седрик. – Кажется, все его здесь любили, как и дорогую мою.

Леди Лорридэйл была в восторге. Она расцеловала мальчика, и с этой минуты они сделались друзьями.

Когда маленький лорд отошел, она сказала брату вполголоса:

– Какой прелестный ребенок, Молино!

– Да, – сухо отвечал граф, – он славный мальчик, и мы большие приятели. Он себе думает, что я добрейший филантроп. Признаюсь тебе, Констанция, что я, как старый дурак, к нему привязался.

– А что его мать о тебе думает? – прямо спросила леди Лорридэйл.

– Я ее не спрашивал, – угрюмо отвечал граф.

– Так я буду с тобой откровенна, – продолжала леди Лор-

ридэйл, – и скажу, что не одобряю тебя. Я намерена навестить миссис Эррол, и если тебе это неприятно, давай ссориться сейчас! Все, что я слышала про нее, доказывает, что ребенок всем обязан ей. Говорят, что бедняки твоего поместья ее обожают.

– Его обожают, – отвечал граф, указывая на Фаунтлероя. – А что касается миссис Эррол, ты увидишь, что она хорошенькая женщина: сын весь в нее. Ты можешь ее навестить, если хочешь. Но прошу об одном: убеди ее не выезжать из Корт-Лоджа и не требуй, чтобы я к ней ездил.

После этого разговора леди Лорридэйл заметила мужу:

– Ясно, что брат уже не ненавидит невестку, как прежде, и вообще мне кажется, что он сильно переменился в лучшую сторону. По-моему, он становится человеком – все потому, что привязался к внуку. И представь себе, мальчик любит его: приходит в кабинет, кладет руку ему на колено и даже прислоняется к его креслу. Собственные его дети никогда не осмелились бы этого сделать: они скорее подошли бы к тигру.

На другой день леди Лорридэйл поехала к миссис Эррол с визитом и, возвратясь от нее, сказала брату:

– Молино! Это прелестнейшая женщина! Ты можешь ее благодарить за воспитание, которое она дала сыну. Она передала ему не только свою красоту, и ты очень ошибаешься, что не зовешь ее к себе в замок. Я непременно приглашу ее к нам в Лорридэйл.

– Она не согласится уехать от сына, – отвечал граф.

– Я хочу видеть их обоих у себя, – возразила, смеясь, леди Лорридэйл.

Она знала, конечно, что граф ни за что не отпустит к ней мальчика, но ей просто хотелось подразнить старого эгоиста. Она очень хорошо понимала, что граф дает парадный обед с единственной целью – показать свету наследника и внука и доказать всем, что мальчик, о котором так много говорили и которым все восторгались, на самом деле еще лучше. А гости, в свою очередь, приезжали большей частью из любопытства, чтобы посмотреть на маленького лорда и убедиться самим в правдивости слухов.

И вот наконец маленький лорд вошел в гостиную.

– Мальчик хорошо воспитан, – заранее сказал граф гостям, – он никому надоедать не будет. Дети обыкновенно или идиоты, или очень назойливы – мои были и то и другое. А внук совсем другой, он отвечает, когда его спросят, и молчит, когда следует. Первый никогда не заговорит.

Маленькому лорду не пришлось, однако, молчать, потому что всем хотелось услышать, что он скажет. Дамы ласкали его и забрасывали вопросами, мужчины шутили с ним, как, бывало, пассажиры на пароходе. Маленький лорд не понимал, почему это они смеются его ответам, но его радовало, что все довольны и что званый вечер дедушки так удался. Приемные комнаты замка сверкали огнями, было множество цветов, мужчины казались такими веселыми, а дамы были

все такие нарядные, с бриллиантами на шее и в волосах! Седрику очень понравилась одна девушка – высокая, красивая, с голубыми глазами, напоминавшими незабудки. Она была в белом платье с жемчугом на шее. Около толпились молодые люди, каждый старался понравиться ей, и маленький лорд решил, что это принцесса. Он не спускал с нее глаз, невольно продвигаясь все ближе и ближе к ней. Наконец она обернулась к нему.

– Подойдите ко мне, Фаунтлерой, – сказала она, улыбаясь. – Почему вы на меня так смотрите?

– Я думал о том, какая вы красивая, – отвечал маленький лорд.

Мужчины засмеялись, и мисс Вивиан Герберт (так звали девушку) тоже. Ее розовые щеки стали еще румянее.

– Я никого не видел красивее вас, – сказал Седрик, глядя на нее с восторгом, – только, конечно, дорогая еще красивее. Я думаю, она красивее всех на свете.

– Я в этом уверена, – отвечала мисс Вивиан.

Она его удерживала около себя большую часть вечера, и не прошло получаса, как он уже рассказывал ей про Америку, про мистера Гоббса и Дика и наконец вынул из кармана платок, подаренный Диком, и с гордостью показывал его.

– Я положил его сегодня в карман, – сказал он, – потому что, я думаю, Дику будет приятно знать, что он у меня в кармане на званом вечере.

Столько было нежности в глазах мальчика в эту минуту,

что присутствующие были очень тронуты.

Несмотря на то что все им много занимались, Седрик, как и предполагал граф, никому не мешал: он умел слушать молча, когда другие говорят. Г ости улыбались, видя, как Седрик несколько раз за вечер подходил к деду, становился рядом с его креслом и впитывал каждое его слово. Раз он даже слегка коснулся щекой плеча старика. Граф про себя радовался, что все видят взаимную любовь внука и деда.

Мистера Хэвишема ожидали к обеду, но, как ни странно, он опаздывал. Никогда такого не случалось. Он вошел, когда все поднялись, чтобы идти к столу. Г раф посмотрел на него с удивлением: Хэвишем был бледен и взволнован.

– Меня задержало странное происшествие, – тихо сказал он.

За обедом он почти ничего не ел, а когда к нему обращались, видно было, что мысли его далеко. Во время десерта, когда Фаунтлерой вошел в столовую[8], мистер Хэвишем взглянул на него с беспокойством и даже не улыбнулся, как обыкновенно, здороваясь с ним.

Старый поверенный забыл обо всем на свете, кроме удручающего известия, которое должен был сообщить графу, – известие, что изменит все. Глядя на освещенные комнаты, на гостей, на кудрявого мальчика рядом с гордым старым графом, он думал о том, какой ужасный удар готовится всей се-

[8] В Англии дети не присутствуют никогда на званых обедах, а приходят к десерту.

мье.

Хэвишем не помнил, долго ли длился обед, он сидел как во сне, но видел, что старый граф несколько раз взглядывал на него с удивлением.

Но вот обед наконец кончился, и все перешли в гостиную.

Маленький лорд сел около мисс Вивиан на диване, и они вместе разглядывали картинки.

– Я вам очень благодарен, – говорил маленький лорд, – я никогда не был на большом вечере. Мне сегодня очень понравилось!

Молодые люди собрались около мисс Вивиан и стали с ней разговаривать. Седрик слушал, старался понять их, но понемногу его глаза начали слипаться и наконец совсем закрылись, голова опустилась на желтую атласную подушку – и он заснул…

Сквозь сон слышалось ему, что мисс Вивиан с ним прощается. Она уезжала.

– Прощайте, Фаунтлерой, – говорила она, целуя его. – Спокойной ночи!

Седрик старался открыть глаза, но не мог и сонно пробормотал:

– Доброй ночи! Я так рад, что увидел вас… – и крепко заснул.

Как только все гости разъехались, мистер Хэвишем подошел к безмятежно спящему мальчику. Поверенный долго глядел на него с озабоченным видом и усиленно тер себе

подбородок.

– Ну, Хэвишем, что случилось? – раздался вдруг за спиной резкий голос графа. – Что за странное происшествие?

Мистер Хэвишем обернулся, продолжая тереть себе подбородок.

– К сожалению, я должен сообщить вам, милорд, очень неприятное известие… Мне очень жаль, что принес его я…

Граф еще раньше заметил мрачное настроение поверенного и находился в отвратительном расположении духа.

– Зачем вы смотрите так упорно на мальчика? – раздраженно крикнул он. – Весь вечер вы глаз с него не спускали, точно ворон какой!.. Какое отношение может иметь ваше известие к лорду Фаунтлерою?

– Оно именно к нему-то и относится, милорд! – отвечал мистер Хэвишем. – Если верить тому, что я услышал, то перед нами спит не лорд Фаунтлерой, а только сын капитана Эррола. Настоящий же лорд Фаунтлерой – сын вашего старшего сына Бевиса – в эту минуту находится в Лондоне, в гостинице.

Граф вцепился в ручку кресла, так что выступили вены на руках, его старое суровое лицо покрылось мертвенной бледностью.

– Это ложь! – закричал он. – Вы с ума сошли! Кто это вам наврал?

– Нет, это не ложь, – возразил мистер Хэвишем, – к несчастью, это правда. Нынче утром явилась ко мне какая-то жен-

щина. Она сказала, что Бевис тайно женился на ней в Лондоне шесть лет тому назад. Она показывала даже брачное свидетельство. Через год после свадьбы они поссорились, он дал ей денег, чтобы она оставила его. У нее есть от него сын пяти лет. Она американка и очень низкого сословия, совершенно необразованная и недавно только узнала о правах своего сына. Она обратилась к адвокату и выяснила, что ее сын настоящий лорд Фаунтлерой и наследник Доринкорта. И она, конечно, требует, чтобы его права были признаны.

Кудрявая головка зашевелилась на подушке, но Седрик не проснулся. Он повернулся лицом к графу как будто для того, чтобы дед мог лучше его видеть.

Горькая улыбка тронула губы графа.

– Я не поверил бы ни единому слову из всей этой сплетни, если бы не знал, что Бевис был способен на всякую подлость: это на него похоже, он всегда меня позорил. Вы говорите, это вульгарная, необразованная особа?

– Она вряд ли в состоянии написать свое имя. Она абсолютная невежда и, видимо, заботится только о деньгах. Она чрезвычайно хороша собой, но… – Старого поверенного передернуло.

Вены на висках графа вздулись, холодный пот выступил на лбу. Он вынул платок, обтер себе лицо и горько сказал:

– А я… я еще возмущался другой женщиной… матерью этого ребенка! Я отказывался признавать ее… а она умеет подписать свое имя… Поделом мне!

Граф вскочил и начал ходить взад и вперед по комнате, ожесточенно ругаясь. Его трясло от бешенства, на старика было страшно смотреть. Но мистера Хэвишема поразило, что, несмотря на сильный приступ ярости, он ни на мгновенье не забывал о присутствии спящего ребенка и ни разу не повысил голоса, чтобы не разбудить его.

– Я должен был этого ожидать, – повторял он. – Они всегда меня позорили, Я не верю этой сказке… Буду бороться до последней возможности… Но как это похоже на Бевиса!

Старик как-то разом осунулся и казался сломленным и растерянным. Он подошел к спящему ребенку и остановился перед ним.

– Кто бы мог подумать, – произнес он глухо, – что я так привяжусь к мальчику? Я сам этого не ожидал. Я всегда терпеть не мог детей, а своих собственных еще больше, чем чужих. Меня никто в жизни не любил… – прибавил граф с горькой улыбкой, – а Седрик любит, он не боится меня, доверяет мне… Он с достоинством занял бы мое место, он сделал бы честь нашему имени…

Старик нагнулся и с минуту смотрел на спокойное, счастливое лицо спящего мальчика. Он сурово сдвинул брови, но взгляд его не был суров. Откинув волосы со лба Седрика, граф отвернулся и позвонил.

– Возьмите, – сказал он изменившимся голосом вошедшему лакею, – лорда Фаунтлероя, осторожнее на руки и отнесите в спальню…

11. Гоббс и Дик

Когда юный друг мистера Гоббса простился с ним и уехал в Англию, где сделался лордом Фаунтлероем, торговец бакалейными товарами имел достаточно времени, чтобы осознать, что между ним и его маленьким приятелем лег Атлантический океан. Он сильно затосковал. Мистер Гоббс был человек одинокий, бессемейный, не слишком образованный и знакомств ни с кем не заводил. Единственным его развлечением служило чтение газет и ведение своих счетов, но и в этом последнем деле Гоббс был тоже довольно слаб. Седрик, научившись складывать, пытался помочь своему другу. К тому же мальчик с необыкновенным вниманием слушал, как мистер Гоббс пересказывал ему газеты, они оживленно обсуждали дела в Америке и в Англии. Поэтому неудивительно, что Гоббс сильно ощущал отсутствие мальчика. На первых порах старик все надеялся, неизвестно почему, что Седрик скоро вернется и что в один прекрасный день он оторвется от газеты и увидит Седрика в дверях своей лавки. Вот-вот, думалось ему, мальчик войдет и скажет: «Здравствуйте, мистер Гоббс! Как сегодня жарко!»

Но дни, недели проходили, мальчик не возвращался, и Гоббс все сильнее и сильнее скучал. Даже газеты уже не так его интересовали, некому было их пересказывать. Он клал их себе на колени и уныло глядел на высокий табурет Сед-

рика, где остались следы маленьких каблучков: Седрик имел привычку болтать ногами, слушая Гоббса. После этого старик вынимал свои золотые часы, открывал их, читал надпись, сочиненную Седриком, и захлопывал опять крышку. Вечером, когда запиралась лавка, Гоббс шел гулять по улице, доходил до дома своего маленького друга, читал объявление: «Отдается внаем», грустно закуривал трубку и возвращался домой.

Так прошло две или три недели. Скука одолевала Гоббса, и ему пришла на ум счастливая мысль – познакомиться с Диком, чистильщиком сапог. Он знал его по рассказам Седрика и надеялся разогнать с его помощью тоску, разговаривая об их общем друге.

Итак, в один прекрасный день, когда Дик усердно чистил прохожим сапоги, к нему подошел низенький толстый лысый человек и так пристально уставился на вывеску, которая гласила: *«Профессор Дик Типтон, несравненно чистит сапоги»*, – что Дик спросил его:

– Какой прикажете ваксой, сэр?

Толстяк молча выставил ногу и сел. Дик принялся чистить его сапог.

– Откуда у вас это? – спросил толстяк, переводя взгляд с Дика на вывеску и обратно.

– От моего друга, маленького мальчика. Он мне подарил все, что нужно для моего ремесла. Он теперь в Англии и скоро попадет в лорды.

– Это, наверное, лорд Фаунтлерой, – медленно произнес мистер Гоббс, – который со временем будет графом Доринкортом?

Дик уронил щетку.

– А что?.. Разве вы его знаете? – быстро спросил он.

– Я его знаю с самого рождения, – отвечал Гоббс, вытирая раскрасневшееся лицо. – С самого рождения!

Он пришел в сильное волнение. Вынув золотые часы, он открыл их и показал надпись Дику.

– Смотрите! Уезжая в Европу, он подарил мне эти часы на память. «Я не хочу, чтобы вы меня забыли», – сказал он мне, но я всегда бы его помнил, если бы даже он ничего не подарил. Это был такой приятель, какого бы никто не забыл!

– Это был лучший парень, какого я знал! – воскликнул Дик. – Я однажды достал его мячик из-под копыт, и он этого никогда не забывал. Каждый раз, когда он проходил здесь со своей матерью или с няней, то всегда говорил: «Привет, Дик!» – точно взрослый, а сам-то был кузнечику по колено. Веселый был парнишка!

– Так, так, – сказал мистер Гоббс, – жаль, что из него выйдет граф. Он мог бы быть украшением любой лавки и даже целого торгового дома! – И бакалейщик грустно покачал головой.

Они долго беседовали с Диком, и было решено, что Дик на другой день вечером придет в гости в лавку мистера Гоббса. Дик был очень польщен приглашением человека, у которого

была собственная лавка, лошадь и тележка.

– А вы знаете что-нибудь про графов и про замки? – спросил Гоббс. – Хотелось бы иметь о них какие-нибудь подробные сведения.

– Я видел про них повесть в журнале, – отвечал Дик, – она называется «Месть графини Мей». Очень запутанная вещь!

– Принесите мне ее, когда придете. Я заплачу. И вообще все, что найдете о графах и лордах.

Это было начало новой дружбы. Когда Дик пришел в лавку, мистер Гоббс принял его очень радушно, посадил на стул около бочонка с яблоками и, указывая на них, сказал: «Не угодно ли!»

Сам он тут же принялся просматривать журналы, принесенные Диком, и только немного спустя они разговорились. Гоббс показал Дику высокий табурет со следами каблучков Седрика,

– Он всегда сидел на этом самом табурете, – говорил Гоббс. – Вот это следы каблуков лорда! Со временем это будут следы каблуков графа Доринкорта!..

Мистер Гоббс был чрезвычайно доволен посещением Дика. Они вместе поужинали в маленькой задней комнатке. Ужин состоял из сыра, сардинок, бисквитов, и старик так разошелся, что даже торжественно откупорил две бутылки вина и произнес тост:

– Выпьем-ка за здоровье Седрика, пусть он задаст как следует всем этим графам, маркизам и герцогам и всем остальным

ным!

С этого дня мистер Гоббс часто виделся с Диком и стал меньше скучать, они вместе читали дешевые журналы и много из них узнали о привычках знати и мелкопоместных дворян, которых очень бы удивило, если бы они проведали, какого рода вещи им приписывают.

Однажды мистер Гоббс отправился в книжный магазин и спросил:

– Дайте мне книгу про графов.

– Что-о? – воскликнул продавец.

– Книгу про графов.

– Боюсь, что у нас этого нет.

– Ну так про маркизов или герцогов.

– Никогда не слышал о такой.

Мистер Гоббс был озадачен.

– Ну хоть про графинь?

– Боюсь, что нет, – улыбнулся продавец. – А вот не хотите ли роман, где главные герои – аристократы? – И он протянул мистеру Гоббсу книгу.

Раз уж Гоббсу не удалось приобрести том, целиком посвященный графам, пришлось купить это сочинение.

Когда пришел Дик, они стали читать. Роман оказался очень захватывающий. Действие происходило в Англии в царствование королевы Марии, прозванной Кровавой. Описания казней и пыток по приговору королевы привели в ужас наших читателей. Холодный пот выступал на лбу мистера

Гоббса, он несколько раз вынимал платок и вытирал им себе лицо.

– Нет, – решил он наконец, – наш Седрик в опасности! Если женщина имеет право царствовать и проделывать такие штуки, там нельзя быть спокойным ни минуты!

– Так-то так, – отвечал с некоторым сомнением Дик, – но ведь в книге говорится про королеву Марию, а теперь на престоле Виктория, и про нее никаких ужасов не рассказывают.

– Правда, – сказал Гоббс, – газеты ни про какие казни не говорят. Но все-таки ему опасно жить в Англии. Говорят, что они даже не празднуют Четвертое июля!

Гоббс был в большой тревоге, пока не получил письмо Седрика, которое он перечитал с Диком несколько раз, точно так же, как и письмо Седрика Дику. Для обоих это был настоящий праздник, и они много толковали об этих письмах. Несколько дней кряду они сочиняли ответы и обсуждали их.

Для Дика написать письмо было тяжелой работой. Он учился грамоте совсем недолго, когда жил со старшим братом Беном и ходил в вечернюю школу. Но он был очень понятливым мальчиком и очень скоро выучился читать и кое-как писать. Позднее он начал читать газеты, сперва по слогам, а потом и довольно бегло. Он много рассказывал мистеру Гоббсу про свое житье с братом, который заменил ему родителей, умерших, когда Дик был еще ребенком. Бен заботился о своем братишке до тех пор, пока Дик не подрос и смог сам продавать газеты на улице, чтобы прокормиться.

Но и тогда они продолжали жить вместе.

– А потом, – рассказывал Дик, – брат женился. Она была красивая, но злая, настоящая тигрица. Как разъярится, так и начинает рвать на клочки все, что попадется. У нее был ребенок, весь в нее, орал с утра до ночи. Я должен был смотреть за ним, и если я не сразу брал его на руки, она швыряла в меня чем попало. Раз она пустила в меня тарелку, а попала в своего мальчика и разрезала ему подбородок. Доктор говорил, что эта отметина останется у него на всю жизнь. Хороша мать! Бена она мучила потому, что он мало денег зарабатывал, он подался на Запад, чтобы завести ранчо[9]. Не прошло и недели, как я вернулся домой, а квартира заперта. Мне сказали, что Минна ушла с ребенком куда-то, нашла, говорят, себе место няни. Другие рассказывали, что она просто-напросто уехала на пароходе. С тех пор я про нее ничего не слыхал и Бен тоже. На его месте я рад был бы от нее избавиться, а Бен нет. Говорю вам, он влюбился в нее! Правда, она была очень красивая девчонка, особенно когда приоденется и не злится. Глаза большие, черные, а волосы густые, длинные по колено, она их заплетала в косу с руку толщиной и обвивала ею два раза голову. Говорили, что она наполовину итальянка, поэтому такая чудная.

Дик часто рассказывал мистеру Гоббсу про нее и про брата. С тех пор как Бен уехал, он всего раз или два писал Дику.

– Эта девчонка, – говорил однажды вечером Дик, – совер-

[9] Ранчо – скотоводческая ферма на западе Соединенных Штатов Америки.

шенно с ума свела Бена. Даже жалко его иногда.

Мистер Гоббс, набивая трубку, заметил глубокомысленно:

– Зря он женился… По мне, так в женщинах нет никакого толку.

Приятели сидели у дверей лавки, вдруг Гоббсу понадобились спички, он встал и увидел на конторке письмо.

– Как это я не заметил, что тут лежит письмо? – удивился он. – Наверное, почтальон принес его, когда меня не было, или оно попало под газету.

Старик взял конверт и внимательно его разглядел.

– Это от него! – воскликнул он. – От Седрика!

Гоббс забыл про трубку, в возбуждении вернулся на свой стул, достал из кармана перочинный ножичек и распечатал конверт.

Вот что он прочел:

«Замок Доринкорт

Дорогой мистер Гоббс! Спешу сообщить вам очень странное известие, вы будете очень удивлены, мои дорогой друг.

Это была ошибка, и я вовсе не лорд и не буду графом. Дядя мой Бевис был женат, и у него маленький мальчик, который и есть настоящий лорд Фаунтлерой, а не я. Таков закон в Англии: старший сын графа – лорд и становится графом, когда отец или дед его умрут. Мой дедушка жив, но его старший сын Бевис умер, а у него маленький сын, который теперь лорд

Фаунтлерой и получит все, что должно было быть моим. Я думал, что мне придется ему отдать моего пони и тележку, но дедушка говорит, что нет. Дедушка очень огорчен, ему не нравится жена моего дяди. Он думает, что мы с мамой очень жалеем, что я не буду графом. Правда, мне было бы приятно быть графом, потому что замок великолепный, и я всех здесь очень люблю, и тот, кто богат, может помогать бедным. Теперь я буду работать. Я попросил конюха учить меня чистить лошадей, и, может быть, я буду конюхом или кучером. Жена дяди привозила своего мальчика в замок. Дедушка и мистер Хэвишем говорили с ней. Дедушка ужасно сердился, я никогда не видел его таким сердитым, и мне жаль его. Я поспешил написать вам, чтобы вы знали, что я, как и прежде,
ваш старый друг Седрик Эррол,
а не лорд Фаунтлерой».

Мистер Гоббс уронил письмо: он был поражен.

– Черт меня подери! – воскликнул он.

– Какая для него перемена! – заметил Дик.

– Перемена?.. Это все аристократы нарочно подстроили, чтобы обобрать американского ребенка! Они нас ненавидят с самой революции. Я говорил, что Седрик в опасности: они там сговорились, чтобы его обобрать!.. Знаю я их!

Мистер Гоббс был очень возбужден: ему с самого начала не нравилось то, что произошло в судьбе его маленького друга, и только он смирился с этим и стал даже втайне гор-

диться счастливой долей Седрика, как вдруг это письмо! Он был очень невысокого мнения об английских аристократах, но он знал, что и в Америке деньги очень ценятся, а потерять и богатство и знатность казалось ему жестоким ударом.

– Они хотят его обобрать! – твердил он. – Надо бы поехать и защитить его!

Он долго не отпускал Дика и пошел проводить его до конца улицы. Возвращаясь домой, он остановился перед пустым домом с табличкой «Отдается внаем» и долго стоял перед ним, задумчиво покуривая трубку.

12. Требования соперников

Через несколько дней после званого обеда в замке почти всем, кто читает газеты в Англии, стало известно о происшествии в Доринкорте. Об этом говорили, толковали, писали – новость была необыкновенно интересная. Прошел слух, что граф очень недоволен таким поворотом событий и намерен защищать права любимого внука и что, вероятно, предстоит большой судебный процесс.

Никогда еще в окрестностях замка не было такого оживления. В базарные дни собирались толпы фермеров, их жены и обсуждали происшествие: говорили, что старый граф вне себя от бешенства, он решил не признавать нового лорда Фаунтлероя и ненавидит его мать. Но, конечно, самые подробные сведения можно было получить в мелочной лавочке. Хозяйка говорила покупателям:

– Это Бог наказал нашего графа за то, что он так обращался с молоденькой вдовой капитана и разлучил ее с мальчиком. А эта приезжая самозванка совсем не похожа на леди, у нее какие-то нахальные черные глаза. Томас говорит, что, если она останется в замке, никто из лакеев не захочет ей служить. И мальчишку-то ее нельзя сравнить с нашим красавчиком. Бог знает что из всего этого выйдет, Я так и обомлела, когда Джейн прибежала ко мне с этим известием.

В замке тоже чувствовалось сильное волнение: в библио-

теке тихо разговаривали граф и мистер Хэвишем, в людской перешептывались лакеи, горничные болтали и ахали на своей половине, в конюшне кучера и конюхи рассуждали меж собой и жалели маленького лорда.

Среди всей этой суеты один только Седрик оставался спокоен. Когда ему растолковали, в чем дело, он удивился и встревожился, но не из корысти.

– Как это странно! – сказал он. – Как странно!

Граф молча глядел на мальчика, ему тоже все это казалось странным – он никогда не испытывал такого чувства. Особенно ему стало не по себе, когда он увидел озабоченное выражение на детском лице, которое обычно было таким счастливым.

–. И они отнимут у дорогой ее дом и ее коляску? – спросил Седрик с некоторым страхом.

– Нет! – решительно отвечал граф. – Они ничего у нее отнять не могут…

– Правда? – обрадовался Седрик и, видимо, успокоился. Он кротко взглянул на деда и неуверенно спросил: – А что же мальчик? Другой мальчик? Он будет теперь вашим внуком вместо меня?

– Никогда! – граф крикнул так резко, что Седрик подпрыгнул на стуле.

– Никогда? – переспросил он. – Я думал… – Он вдруг вскочил и подошел к деду. – Дедушка, скажите: останусь ли я при вас, если даже не буду лордом?.. Буду ли я жить с вами,

как до сих пор? – и личико его покраснело.

– Ты – мой и всегда будешь моим, пока я жив! – голос старого графа дрогнул. – Да, ты всегда будешь при мне!.. Видит Бог, иногда мне кажется, что, кроме тебя, у меня никогда не было детей.

Седрик вспыхнул от радости, он положил руки в карманы и, глядя в глаза своего знатного деда, сказал:

– Тогда мне все равно, буду ли я графом. Я думал, что тот мальчик займет мое место при вас, и… и мне это было обидно.

Граф положил руку ему на плечо и притянул к себе.

– Они не отнимут у тебя то, что я сам имею право тебе дать, – сказал он, – тяжело переводя дух, – Да я и не верю, чтобы у них оказалось какое-нибудь законное право лишить тебя родового наследства. Помни одно: что бы ни случилось, ты получишь все, что принадлежит лично мне, – все!

Казалось, граф забыл, что говорит с ребенком, рассуждал, как будто сам с собой. Он теперь только понял, до какой степени сильна его привязанность к внуку и какие надежды он возлагал на мальчика. Упрямому графу казалось невозможным – больше, чем невозможным, – уступить тем, против кого он был настроен. И граф приготовился к отчаянной борьбе.

Через несколько дней после того, как женщина, назвавшаяся леди Фаунтлерой, виделась с мистером Хэвишемом, она явилась в замок и привезла с собою сына. Ее не приняли.

Лакей передал, что граф не желает ее видеть и предлагает ей обратиться к мистеру Хэвишему.

– Надеюсь, – говорил после ее отъезда Томас, – что я довольно послужил в знатных домах, чтобы уметь отличить настоящую знатную леди от самозванки. И если эта особа леди, то я ничего не понимаю в женщинах.

Незнакомка уехала, лицо ее выражало злобу и страх. Поверенный, разговаривая с ней, заметил, что, несмотря на бойкость на словах, дерзость ее была напускная; она, видимо, была сама обескуражена тем положением, в которое себя поставила. Казалось, она не ожидала, что получит такой сильный отпор.

В замке ее не приняли, но поверенный уговорил графа съездить к ней в гостиницу. Когда он вошел, она побледнела как полотно, потом наговорила ему дерзостей, грозила законом и требовала – все одним духом.

Граф стоял перед ней во весь рост, с достоинством чистого аристократа, и презрительно, молча глядел ей прямо в лицо. Он спокойно дал ей высказаться, накричаться вволю, и, когда она наконец выдохлась, он заговорил:

– Вы уверяете, что вы жена моего старшего сына. Если это правда, закон на вашей стороне, и ваш сын – лорд Фаунтлерой. Суд нас разберет и решит этот вопрос. Если вы правы – получите приличное содержание, но, пока я жив, я не желаю видеть ни вас, ни вашего сына. После моей смерти все родовое состояние, к несчастью, перейдет к вам. Я так и думал,

что мой сын Бевис выберет себе такого сорта жену, как вы.

Он повернулся к ней спиной и вышел.

Несколько дней спустя миссис Эррол сидела у себя в спальне и писала. Испуганная горничная прибежала доложить о приезде гостя.

– Сам граф! – воскликнула она со страхом.

Миссис Эррол прошла в гостиную: высокий старик с орлиным профилем и длинными седыми усами стоял на тигровой шкуре.

– Вы миссис Эррол? – спросил он.

– Да, – отвечала она.

– Я граф Доринкорт. – Он немного помолчал, всматриваясь в ее глаза, так похожие на глаза ребенка, которого он видел каждый день в течение последних месяцев.

– Мальчик очень похож на вас, – сказал он отрывисто.

– Мне это часто говорят, милорд; но я рада, что он похож и на отца. – Она вовсе не была смущена внезапным посещением.

– Да, – сказал граф, – ое похож на моего сына… – и стал нетерпеливо дергать седые усы, – Вы знаете, зачем я приехал?

– Я видела мистера Хэвишема, – начала миссис Эррол, – он говорил мне о требованиях,

– Я приехал сказать вам, – перебил граф, – что о них наведут справки и, если возможно, права их будут оспорены. Я намерен отстаивать права мальчика всею силою закона. Его

права…

Миссис Эррол прервала его:

– Он ничего не должен получить, на что права не имеет, даже если бы закон был за него.

– К несчастью, тут закон не властен, – сказал граф. – Эта отвратительная женщина и ее сын…

– Она, может быть, любит его, как я Седрика, – опять прервала миссис Эррол. – И если она была женой вашего старшего сына, то ее мальчик, а не мой лорд Фаунтлерой.

Она боялась графа не больше, чем Седрик, и глядела на него так же спокойно. Это нравилось старому деспоту, перед которым все трепетали.

– Полагаю, – сказал он насмешливо, – что вы даже предпочитаете, чтобы он никогда не сделался графом Доринкортом!

Она покраснела.

– Очень почетно быть графом Доринкортом, милорд. Но я прежде всего хочу, чтобы он всегда был добр, справедлив и честен, как его отец.

– А не как дед? – заметил иронически граф.

– Я не имею чести знать его деда, но я знаю, что мой мальчик считает вас… – она внезапно запнулась, затем спокойно посмотрела на него и прибавила: – Я знаю, что Седрик вас любит.

– А любил бы он меня, если бы знал, отчего я не разрешаю вам приезжать в замок? – сухо спросил граф.

– Я думаю, нет, – отвечала миссис Эррол. – Потому я и не хотела, чтобы он это знал.

– Похвально, – произнес граф, – не всякая женщина так бы поступила.

Он стал ходить взад и вперед по комнате, дергая сильнее, чем обычно, усы.

– Да, он меня любит, – говорил старик, – и я его тоже. До сих пор я никого не любил, а его люблю. Он мне понравился с первой минуты. Я стар, жизнь мне надоела, а в нем я вижу смысл жизни, горжусь им, и мне отрадно было думать, что он с достоинством займет мое место.

Граф остановился перед миссис Эррол.

– Я в горе… большом горе! – Голос гордого графа дрожал. На мгновение миссис Эррол показалось, что в его суровых глазах стояли слезы. – Наверно, поэтому я и приехал к вам, – продолжал граф. – Я вас ненавидел, ревновал вас. Это ужасное дело все изменило. После свидания с той особой, которая уверяет, что она жена моего старшего сына, я ищу в вас утешения. Я старый дурак, я виноват перед вами… Вы очень похожи на мальчика, а он моя первая радость в жизни… Я очень несчастен и пришел к вам, потому что мальчик похож на вас и я люблю его. Ради него будьте добры ко мне, если можете.

Голос его был, как всегда, суров, но старик, видимо, был убит, и миссис Эррол стало его жаль. Она подвинула кресло и сказала:

– Садитесь, милорд, отдохните, вы измучены.

Такое внимание было для него ново. Он вспомнил про внука и сел. Если бы не это несчастье, возможно, он продолжал бы ее ненавидеть, но она много выиграла в сравнении с леди Фаунтлерой.

Граф немного успокоился и продолжал.

– Что бы ни случилось, – сказал он, – я обеспечу мальчика. О нем позаботятся – теперь и в будущем.

Перед отъездом граф оглядел комнату.

– Вам нравится этот дом?

– Очень, – отвечала, мать Седрика.

– Это уютная комната, – сказал граф. – Позвольте мне приехать опять, чтобы поговорить об этом деле.

– Когда вам угодно и сколько угодно, милорд, – отвечала она.

Когда граф вышел и сел в карету, лакеи и кучер были ошарашены таким поворотом событий.

13. Дик является на помощь

Как только газеты в Англии написали о затруднениях графа Доринкорта, историю подхватили и перепечатали во всех американских газетах. Замечательнее всего было то, что каждая газета давала свою версию случившегося, и было любопытно покупать их все и сравнивать. В одной говорили, что Седрик грудной ребенок, в другой – что студент Оксфордского университета, молодой человек выдающегося ума и способностей; в третьей утверждали, что он даже не родственник; графа Доринкорта, а маленький самозванец, который продавал газеты и спал на улицах Нью-Йорка, и что его мать обманула поверенного графа, когда он приехал в Америку отыскивать наследника Доринкорта. Описывали нового лорда Фаунтлероя и его мать. Писали, что она цыганка, или актриса, или красавица испанка. Но все соглашались в том, что граф Доринкорт ее злейший враг и не хочет признать ее сына. Все ожидали громкого судебного процесса, который обещал быть захватывающе интересным.

Мистер Гоббс читал все эти сплетни вместе с Диком, и они приходили в ужас. Они поняли, какое важное лицо граф Доринкорт, до какой степени: он богат, какой у него великолепный замок, – и все больше и больше волновались.

– Надо же наконец что-нибудь предпринять! – говорил мистер Гоббс.

Но они ничего другого не могли придумать, как написать письмо Седрику. Каждый написал от себя и прочел письмо другому.

Вот что написал Дик:

«Дорогой друг, я не забыл, что вы для меня сделали, и хотел бы прийти вам на помощь: если вам ничего другого не остается, приезжайте назад и будете моим компаньоном. Ремесло мое идет хорошо, я с вами буду продолжать дело. Пока все.

Дик Типтон».

А вот что написал мистер Гоббс:

«Дорогой сэр! Вижу по вашему письму, что дело плохо. Это интрига, в которой следует разобраться. Я займусь этим, будьте спокойны, я найду поверенного и буду стараться все расследовать. Если ничего хорошего не выйдет и графы нас пересилят, не забудьте, что у меня хорошая лавка, и вы можете стать моим партнером, когда вырастете: мой дом к вашим услугам.

Преданный вам Сайлас Гоббс».

– Ладно, если он не будет лордом, по крайней мере, мы поможем ему, – сказал мистер Гоббс.

– Вот именно, – ответил Дик. – Я не оставлю его. Черт меня возьми, если я не люблю парнишку!

На другой день к Дику подошел молодой адвокат, которому он обыкновенно чистил сапоги. Это был очень моло-

дой человек, только что начинавший практиковать, но способный и энергичный. Он поставил ногу на скамеечку и, пока Дик чистил его сапоги, просматривал иллюстрированную газету. Когда Дик кончил, адвокат дал ему листок:

– Вот вам газета, Дик, прочитайте ее. Там есть картинка английского замка и портрет невестки английского лорда. Красивая женщина. Получите представление об английской аристократии. Начните читать вот тут, про благородного лорда Доринкорта и леди Фаунтлерой… Дик! Что случилось?

Дик уставился, разинув рот, на иллюстрацию, он даже побледнел от волнения.

– Что вас так поразило, Дик? – спросил адвокат. – Сколько я вам должен?

Дик стоял, точно пораженный громом. Он показал на подпись под портретом: «Мать претендента, леди Фаунтлерой». Это был портрет красивой женщины с большими глазами и густыми косами вокруг головы.

– Она! – воскликнул Дик. – Я ее знаю лучше, чем вас!

Молодой поверенный засмеялся.

– Где вы ее встречали, Дик? – шутил он. – В Ньюпорте[10] или когда последний раз ездили в Париж?

Дик не обратил внимания на шутку и стал поспешно собирать свои щетки.

– Знаю ее! – повторял он. – Я нынче хорошо заработал!

---

[10] Ньюпорт – курорт в Великобритании.

И не прошло и пяти минут, как он уже бежал во всю прыть к лавке мистера Гоббса.

Почтенный торговец не поверил своим глазам, когда Дик влетел к нему с газетой в руках. Он бросил ее на прилавок и не мог никак отдышаться.

– Привет! – сказал Гоббс. – Что это вы принесли?

– Посмотрите! – выдохнул Дик, – Посмотрите на эту женщину! Вот вам и аристократка, и вдова лорда!.. Ни то, ни другое! Убейте меня, если это не Минна! Минна!.. Везде ее узнаю… и Бен тоже. Спросите его!

Мистер Гоббс опустился в кресло.

– Вот оно что! – воскликнул он. – Так и знал, что все это подстроено только потому, что он американец!

– Нет! – кричал Дик. – Это все ее козни, она на все способна. Помните, в одной газете было сказано, что у ее сына шрам на подбородке… Да этот мальчишка такой же лорд, как и я… Это сын Бена. Она швырнула, в меня тарелку, а попала в мальчишку.

Дик был умный малый. Большую часть жизни он провел на улицах большого города, и это сделало его еще сообразительнее и наблюдательнее. Он был очень доволен своим открытием.

Дик был полон энергии. Он сел писать письмо Бену и, вырезав из газеты рисунок, вложил его в конверт. Мистер Гоббс писал Седрику и графу. Они не кончили еще своих писем, как новая мысль блеснула в голове Дика.

– Знаете, – сказал он, – парень, который дал мне газету, – адвокат. Давайте посоветуемся с ним.

Мистер Гоббс согласился с этим предложением и был очень доволен находчивостью Дика.

– Прекрасно! – сказал он. – Дело требует адвоката.

Он оставил в лавке своего помощника и отправился с Диком к адвокату, ошеломив его своим рассказом.

Если бы этот адвокат не был так молод и не имел как начинающий много свободного времени, он, пожалуй, не заинтересовался бы этим делом, потому что много в нем было странного и неправдоподобного. Но другого дела у него не было, и к тому же он знал, что Дику можно верить.

– Назначьте вашу цену, – сказал ему мистер Гоббс, – я оплачу все расходы, вот мои адрес, только вникните хорошенько.

– Если нам все удастся, – отвечал адвокат, – это будет великолепный исход и для меня, и для лорда Фаунтлероя. И во всяком случае, наводя справки, вреда мы не нанесем никому. Я читал газеты: эта женщина путается в показаниях насчет возраста ребенка, а это подозрительно. Первым делом надо написать брату Дика и поверенному графа Доринкорта.

Итак, еще до заката солнца два письма были написаны; одно отправлено поездом в Калифорнию, другое – пароходом в Англию. Первое было адресовано Бену Типтону, второе – мистеру Хэвишему.

В этот же вечер, после того как мистер Гоббс запер свою

лавку, он до полуночи толковал с Диком.

14. Огласка

Удивительно, за какое короткое время могут случиться самые невероятные вещи! Достаточно было нескольких минут, чтобы изменить судьбу Седрика и из бедного мальчика, живущего на тихой улице в скромной обстановке, превратить его в лорда, наследника громадного состояния. А теперь за несколько минут из английского лорда он сделался маленьким самозванцем, не имеющим ни гроша, потерявшим права на роскошь, которой был окружен. Стоит ли удивляться, что судьба его снова изменилась очень быстро и он получил обратно все, чего чуть-чуть не лишился?

Эта последняя перемена сравнительно быстро произошла оттого, что женщина, назвавшаяся леди Фаунтлерой, отвечая мистеру Хэвишему насчет своего брака и ребенка, совершила несколько грубых промахов, которые возбудили сильные подозрения. Она стала сердиться, вспылила и в порыве гнева проговорилась еще больше. Ложь в ответах касалась ребенка. Сомнения не было, что она точно вышла замуж за Бевиса, лорда Фаунтлероя, поссорилась с ним и получила от него денег, чтобы жить отдельно; но ее утверждение, что сын родился в Лондоне, было обманом, И в то же самое время, когда мистер Хэвишем убедился во лжи, пришли письма адвоката из Нью-Йорка и мистера Гоббса.

Какое это было потрясающее известие! Мистер Хэвишем

и граф провели вечер в библиотеке, обсуждая его.

– После моего третьего свидания с ней, – говорил мистер Хэвишем, – я: ее сильно стал подозревать. Ребенок казался старше, чем она говорила, к тому же она путалась насчет дня его рождения, Письма из Нью-Йорка подтверждают мои сомнения. Лучше всего вызвать сюда братьев Типтонов, не говоря ей ни слова, и внезапно провести очную ставку. Она очень недалекая женщина, я полагаю, она так испугается, увидя их, что выдаст себя.

Так и случилось. Чтобы женщина ни о чем не догадалась, мистер Хэвишем продолжал расспросы, сказав ей, что проверяет все, что она сообщила. Время шло, женщина постепенно успокоилась и, почувствовав себя уверенно, снова стала дерзкой.

В одно прекрасное утро она сидела в гостинице, строя планы, как действовать дальше. В это время ей доложили о приезде мистера Хэвишема. Он вошел, а за ним еще трое: один из них еще совсем молодой малый со смышленым лицом, другой высокий, постарше, а третий не кто иной, как сам граф Доринкорт.

Она вскочила и вскрикнула, потому что никак не ожидала увидеть этих двух свидетелей, думая, что они за тысячи миль отсюда. А по правде сказать, и вообще о них не думала.

Дик усмехнулся:

– Вот ты где, Минна!

Брат его Бен глядел на нее молча.

– Узнаете ли вы ее? – спросил мистер Хэвишем.

– Узнаю, – отвечал Бен, – и она меня узнает.

Он повернулся и пошел к окну, словно вид ее был ему противен. Так оно на самом деле и было.

Поняв, что она разоблачена, женщина пришла в ярость, осыпала обоих братьев такими ругательствами, каких они от нее не слыхивали. Дик только скалил зубы, Бен стоял к ней спиной.

– Могу идти к присяге, – сказал он поверенному, – и привести дюжину свидетелей. Ее отец – честный человек, хотя очень беден; мать была точно такая же, как она. Мать умерла, но отец жив – он скажет, кто она и была ли моей женой.

Он внезапно сжал кулаки и повернулся к ней.

– Где ребенок? – спросил он. – Я забираю его, а тебя больше знать не хочу!

В эту минуту дверь в соседнюю комнату немного приоткрылась, и оттуда выглянул мальчик, привлеченный, вероятно, громкими голосами присутствующих. Он не был особенно красив, но лицо было доброе, как у Бена; на подбородке виднелся треугольный шрам.

Бен подошел к нему и взял его за руку дрожащей рукой.

– Да, – сказал он, – клянусь, это мой Том! Я твой отец, – прибавил он, обращаясь к ребенку, – Я беру тебя <J собой. Где твоя шляпа?

Мальчик показал на шляпу, лежащую на стуле, и, казалось, очень рад был уйти. Он пережил столько неожиданно-

стей, что не удивился, когда незнакомый человек назвался его отцом. Он не любил матери, которая, приехав с ним в Лондон, когда ему был год, отдала его на воспитание чужим людям и вдруг через шесть лет явилась, объявила, что она его мать, и увезла с собой.

Бен взял шляпу и пошел к дверям.

– Если я вам еще понадоблюсь, – сказал он мистеру Хэвишему, – вы знаете, где меня найти.

Он вышел, держа ребенка за руку и не взглянув на жену. Она была бледна, как смерть, и страшно озлоблена. Граф спокойно смотрел на нее.

– Ну-ну, успокойтесь, – сказал мистер Хэвишем. – Вы этим ничего не добьетесь. Если будете так себя вести, я просто велю вас запереть.

Она метнула на него яростный взгляд, бросилась в другую комнату и со всех сил хлопнула, дверью.

– Она нам больше надоедать не будет, – сказал мистер Хэвишем.

Он был прав. Через несколько часов она уехала из гостиницы, села в поезд, идущий в Лондон, и была такова.

Граф сейчас же сел в экипаж.

– В Корт-Лодж!

– В Корт-Лодж! – повторил Томас кучеру, садясь около него на козлы. – Ну, брат, поверь мне, – тихо прибавил он, – дело принимает неожиданный оборот.

Когда карета остановилась в Корт-Лодже, Седрик был у

матери. Граф вошел без доклада. Он казался еще выше и как будто моложе, глаза его горели.

– Где лорд Фаунтлерой? – громко спросил он.

Миссис Эррол вспыхнула.

– Лорд Фаунтлерой? – спросила она. – Это правда?

Граф схватил ее руку и пожал.

– Правда! – ответил он, положив другую руку на плечо Седрику. – Фаунтлерой, – сказал он своим властным голосом, – спроси мать, когда она переедет к нам в замок?

Мальчик бросился на шею матери и крепко обнял ее.

– Жить с нами! Всегда жить с нами! – воскликнул он.

Миссис Эррол посмотрела на графа: он был вполне искренен. Он решил не терять времени и сразу обо всем договориться. Пора было уже подружиться с матерью своего наследника.

– Вы уверены, что этого хотите? – спросила она с улыбкой.

– Совершенно уверен, – твердо отвечал граф, – Ваше присутствие всегда было необходимо, но я не вполне это осознавал. Надеюсь, что вы переедете к нам…

15. День рождения

Бен забрал сына и воротился в Калифорнию. Граф не отпустил его с пустыми руками; он взял на себя все расходы по воспитанию Тома и, кроме того, дал Бену денег, чтобы он мог приобрести собственное ранчо. Том вырос честным человеком и вознаградил отца за все прежнее горе.

Дик и мистер Гоббс, который приехал вместе с ним, чтобы лично следить за развитием событий, остались еще в Англии. Граф дал возможность Дику получить достаточное образование, а мистер Гоббс задержался, чтобы отпраздновать день рождения Седрика, которому должно было исполниться восемь лет. Все окрестные жители были приглашены на праздник в парк, где днем намечался пир, игры и танцы, а вечером предполагалась иллюминация и фейерверк.

– Как Четвертое июля! – ликовал Седрик. – Как жаль, мистер Гоббс, что я не родился в день празднования независимости Америки! Мы могли бы тогда отметить оба эти праздника вместе.

Надо признаться, что граф и мистер Гоббс не очень сошлись. Для гордого графа было немыслимо сблизиться с лавочником, а мистер Гоббс сроду не бывал в аристократическом обществе, и при редких свиданиях разговор у них не клеился.

Мистер Гоббс был поражен великолепием замка, львами

у ворот, длинной въездной аллеей, цветниками, оранжерея ми, террасами, ливрейными лакеями, гербами на башнях, но больше всего картинной галереей.

– Это что-то вроде музея? – сказал он маленькому лорду, который водил его по замку,

– Н – нет, – отвечал с некоторым сомнением Седрик. – Не думаю, чтобы это был музей. Дедушка говорит, что это мои предки.

– Неужели у него такая громадная семья! – воскликнул Гоббс.

Седрик с трудом растолковал ему, что не все картины были портретами предков. Он даже позвал на помощь миссис Меллон, которая знала, кто нарисовал их, когда. Она рассказала им романтические истории о тех, кто был изображен на картинах. Когда мистер Гоббс понял, в чем дело, и услышал эти истории, он был совершенно очарован и часто приходил из гостиницы и с полчаса бродил по картинной галерее, где со стен глядели на него красивые леди и важные джентльмены. Мистер Гоббс качал головой и говорил:

– Как подумаешь, что они все были графами и что Седрик наш тоже будет графом, что все это будет ему принадлежать!

Втайне он больше не презирал графов и их образ жизни. Во всяком случае, он однажды сказал:

– Я бы не отказался быть графом!

С его стороны это было большой уступкой.

Наступил день рождения маленького лорда, и как весе-

ло он провел его! Парк, который заполнили толпы нарядных фермеров, представлял собой великолепное зрелище. На расставленных палатках и на вершине замка развевались флаги. Пришли все, кто мог ходить: всем хотелось посмотреть на маленького лорда, будущего владельца Доринкорта, и его добрую мать, которая сумела приобрести столько друзей. Даже к графу все стали относиться лучше, зная, что внук его любит и что суровый старик переменил отношение к матери своего наследника. Рассказывали даже, что он искренне начинал привязываться к ней, и надеялись, что старик все больше и больше будет смягчаться под их влиянием.

Толпа растеклась по парку. Тут были и фермеры с женами в праздничных платьях, девушки и парни, дети, старухи. В замке – знатные гости, приехавшие поздравить графа и познакомиться с миссис Эррол. Приехала леди Лорридэйл с мужем, сэр Томас с дочерьми, прелестная мисс Вивиан в окружении молодых людей и, конечно, мистер Хэвишем. Мисс Вивиан была в нарядном белом платье с кружевами. Увидев ее, маленький лорд побежал к ней навстречу. Мисс Вивиан поцеловала его, поздравила и пошла гулять с ним по парку. Он повел ее к мистеру Гоббсу и Дику и представил их как своих самых старинных друзей. Она подала, им руку и стала расспрашивать про Америку, про их путешествие, так что они оба остались в восторге от нее.

Всех счастливее был старый граф. Несмотря на свое богатство и знатность, он никогда не был по-настоящему счаст-

лив. Конечно, он не мог вдруг измениться и сделаться таким хорошим, каким его считал внук, но он познал наконец чувство любви и стал даже находить некоторое удовольствие делать добро по просьбе внука, – и это было уже хорошее начало.

В знаменательный день рождения Седрика дед наблюдал, как мальчик кланялся тем, кто его приветствовал, как разговаривал с Диком и Гоббсом, как, стоя около мисс Вивиан, слушал их разговоры, – и дед остался, всем этим очень доволен. Он пошел с внуком и гостями в палатку, где ужинали фермеры. Они пили за здоровье графа с гораздо большим одушевлением, чем бывало прежде; но когда после первого тоста провозгласили тост за здоровье маленького лорда Фаунтлероя, загремело единогласное «ура», повторенное несколько раз. Две или три старые женщины, нежно посмотрев на мальчика, который стоял между дедом, и матерью, заплакали и сказали: «Да благословит Господь милого ребенка!»

Маленький лорд был очень доволен. Он улыбался и краснел от удовольствия до корней волос.

– Это потому, что они любят меня? – шепнул он матери. – Я так рад!

Граф положил руку на плечо мальчика.

– Скажи им несколько слов, Фаунтлерой, поблагодари их.

Седрик взглянул на деда, потом на мать и застенчиво спросил:

– Надо?

Мать и мисс Вивиан, улыбаясь, кивнули ему, Седрик сделал шаг вперед, – все глаза были устремлены на него. Он собрался с силами и громко сказал:

– Я вам очень, очень благодарен. Мне сегодня было очень весело, и надеюсь, что вам тоже было хорошо. Я очень рад, что буду со временем графом, и постараюсь быть таким же хорошим графом, как дедушка.

И опять раздались крики и гром аплодисментов. Седрик отступил назад, вздохнул с облегчением, взял деда за руку и прижался к нему.

Здесь кончается наш рассказ, но нужно прибавить несколько слов о мистере Гоббсе. Ему так понравилась жизнь в Англии и соседство юного друга, что он продал свою лавку в Нью-Йорке и открыл другую, неподалеку от Доринкорта. Владельцы замка покровительствовали ему, и торговля старика пошла очень успешно.

Десять лет спустя Дик, окончив свое образование, собрался ехать в Калифорнию, чтобы навестить брата, и спросил мистера Гоббса, не думает ли он возвратиться в Америку. Гоббс покачал головой и очень серьезно отвечал:

– Нет, жить туда я не поеду, я должен быть рядом с маленьким лордом и не оставлять его одного…